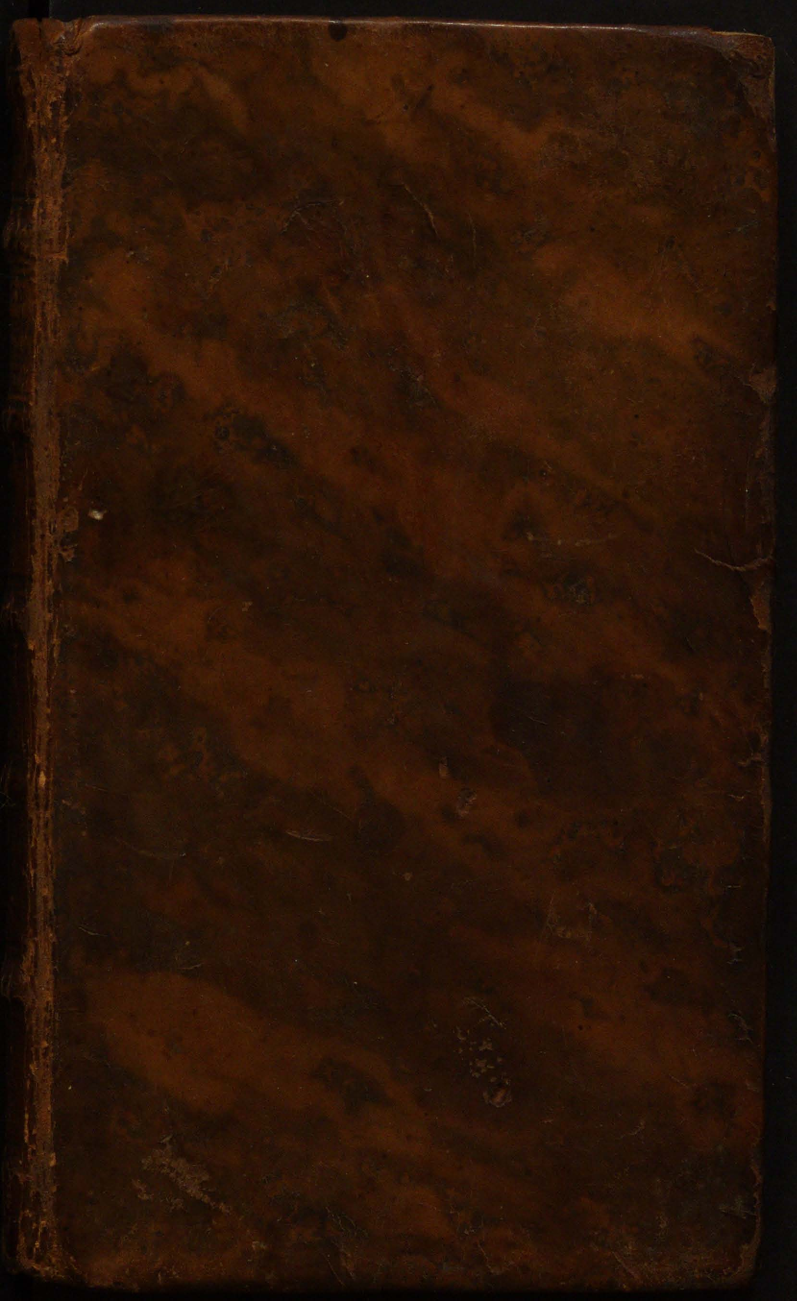

СПАСИТЕЛЬНЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

О
ПОЗНАНІИ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО СОСТОЯНІЯ ВНУТРЕННЯГО И НАРУЖНАГО,
ИЛИ
О ПОЗНАНІИ САМАГО СЕБЯ,

Содержащія въ себѣ изрядныя нравоученія, касающіяся до всѣхъ и каждаго Христіанина.

Изъ сочиненій
Г. БЕРНАРДА,
Мужа прославившагося въ ученомъ свѣтѣ.

Переводъ съ Латинскаго.

ВЪ МОСКВѢ, 1782.

ОГЛАВЛЕНІЕ

МАТЕРІЙ, НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ СЕЙ КНИГѢ.

ГЛАВЫ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О ДОСТОИНСТВѢ ЧЕЛОВѢКА.

Какое множество находится смертныхъ, кои при всемъ своемъ знаніи не разумѣютъ самихъ себя! оставивъ себя въ забвеніи, разсматриваютъ они другихъ со тщаніемъ; и не вникая во внутренность свою, гдѣ обитаетъ Творецъ

природы, ищутъ Его въ отдаленныхъ внѣшнихъ предметахъ. Сїе побуждаетъ меня отъ наружныхъ предлоговъ обратиться ко внутреннимъ, а отъ внутреннихъ воскрыляться къ превыспреннимъ, дабы возмогъ я познать, откуда я пришелъ, или куда гряду; что я есмь, и откуда существованїе мое имѣю. Симъ образомъ познавъ самаго себя, прїобрѣту познанїе самаго Бога. Ибо, чѣмъ болѣе уповаю я въ познанїи самаго себя, тѣмъ болѣе приближаюсь къ познанїю Создателя вселенныя.

Въ разсужденїи внутренняго человѣка я нахожу въ мысли моей три вещи, посредствомъ которыхъ Бога воспоминаю, зрю, и къ Нему стремлюся. Сїи вещи суть: память, разумъ и воля, или любовь. Памятїю мы воспоминаемъ, разумомъ со-

зе-

зерцаемъ, волею объемлемъ. Воспоминая Бога, я обрѣтаю Его въ моей памяти, и услаждаюся Его благодѣяніями. Разумомъ зрю, что Онъ есть въ самомъ себѣ, что въ разсужденіи Ангеловъ и святыхъ, также что въ разсужденіи человѣковъ, и наконецъ всѣхъ тварей. Въ себѣ самомъ Онъ непостижимъ; ибо Онъ есть начало и конецъ: начало не имѣющее конца, и конецъ не имѣющій предѣла. Вникая въ самаго себя, я познаю, колико Онъ непостижимъ; ибо я самаго себя не могу совершенно познать; но существо мое есть твореніе Его. Въ разсужденіи Ангеловъ Онъ желателенъ; ибо воззрѣніе на Него и служеніе Ему составляетъ ихъ блаженство. Въ разсужденіи святыхъ усладителенъ; ибо они о Немъ безпрестанно веселятся. Въ разсужденіи тварей удивителенъ;

ленъ; ибо Онъ все сотворилъ, все управляетъ и располагаетъ.

Въ разсужденiи людей Онъ достоинъ искреннѣйшей любви нашей. Онъ есть Богъ ихъ, а они люди Его. Онъ обитаетъ въ нихъ, и они суть храмы Его. Онъ всѣхъ и каждаго удостоиваетъ сего. Человѣкъ, содержащiй Его безпрестанно въ памяти своей, размышляющiй о Немъ, и истинною любовiю къ Нему пылающiй, сей человѣкъ съ Нимъ соединяется. Мы имѣемъ долгъ одушевляться пламенемъ чистѣйшей къ Нему любви; ибо Онъ насъ прежде возлюбилъ. Мы сотворены по образу Его и подобiю; сего высокаго преимущества лишена каждая другая тварь. Мы сотворены по образу Божiю, то есть, снабдѣнны способностями, познать и разумѣть Сына

Его,

Его, посредствомъ котораго созерцаемъ и познаемъ Отца, и свободный путь къ Нему имѣемъ. Толикое сопряженіе находится между Богомъ и нами, созданными по образу Божію; сопряженіе соединяющее насъ съ Единороднымъ Сыномъ Его, который есть образъ Его! симъ соединеніемъ доказывается и самое подобіе; ибо мы не только по образу, но и по подобію Его сотворенны. Но то, что создано по образу, не отрицаемый имѣетъ долгъ, соотвѣтствовать своему образу, и не тщетно на себѣ носить имя сіе.

Сіе обязываетъ насъ, явить въ себѣ образъ Божій, стяжаніемъ мира, созерцаніемъ истинны, и искренностію любви; содержать Его всегда въ памяти, имѣть въ совѣсти, и хранить къ Нему, какъ вездѣсущему,

му, крайнее почтенiе. Нашъ разумъ по тому только есть образъ Божiй, что Его понимать, и наслаждаться удовольствiемъ изъ сего проистекающимъ можетъ. Нѣтъ: Онъ не по тому подобiе Его есть, что помнитъ, знаетъ и любитъ себя; но по тому, что имѣетъ способность помнить, знать и любить виновника бытiя своего. Въ то время, когда онъ сiе исполняетъ, обладаетъ мудростiю; и нѣтъ ничего столь подобнаго высочайшей премудрости, какъ мысль разумная, памятiю, разумомъ и волею соотвѣтствующая неизреченной Тройцѣ. Сколь она удаляется отъ подобiя сему августѣйшему таинству, когда не помнитъ, не понимаетъ и не любитъ Содѣтеля своего! Да содержитъ она Его твердо въ памяти; да разумѣетъ Его, любитъ и почи-

читаетъ Его, который составляетъ ея блаженство!

Колико блаженна та душа, въ которой Богъ обрѣтаетъ покой себѣ, и въ нѣдрахъ которыя Онъ обитаетъ! Колико щастлива, которая можетъ сказать: сотворившій меня опочилъ въ лонѣ моемъ! Ахъ! почто мы презрѣвъ себѣ, въ наружныхъ предметахъ ищемъ Бога, обитающаго въ насъ самихъ, когда только мы желаемъ быть въ немъ? Безъ сомнѣнія Онъ въ насъ обитаетъ. Сію истинну утверждаетъ въ насъ вѣра, доколѣ не удостоимся зрѣть Его лицемъ къ лицу. Вѣмы, увѣряетъ Апостолъ, яко живетъ Христосъ вѣрою въ сердцахъ нашихъ. Христосъ въ вѣрѣ, вѣра въ чувствованіи, чувствованіе въ сердцѣ, сердце въ груди. Такимъ образомъ въ па-

памяти моей содержу я Бога Зиждителя, покланяюся Искупителю моему, ожидаю Избавителя. Признаю, и вѣрую, что зрю, и ощущаю Его въ каждомъ творенiи, имѣю въ самомъ себѣ; и что всего сладостнѣе и драгоцѣннѣе, познаю Его въ себѣ; ибо знать Отца, Сына, и Святаго Духа, есть жизнь вѣчная, сладчайшее утѣшенiе и совершеннѣйшее блаженство.

Око не видѣ, ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыде, какая слава, какое утѣшенiе, какая сладость ожидаютъ насъ въ вѣчности, когда узримъ Обладателя природы, который есть свѣтъ для просвѣщенныхъ, утружденнымъ покой, возвращающимся отечество, жизнь живымъ, вѣнецъ побѣждающимъ. Такимъ обра-

зомъ

зомъ въ мысли моей нахожу я нѣкоторое изображенїе высочайшїя Троицы помощїю памятованїя, познанїя и любви; вся жизнь моя долженствуетъ состоять въ томъ, дабы сїе высочайшее таинство почитать, онымъ услаждаться, о немъ размышлять и созерцать Его. Образъ Божїй находится въ разумѣ нашемъ, въ которомъ содержатся и сїи три, память, понятїе и воля. Мы хотя не памятїю мыслимъ; но ей приписываемъ все то, что знаемъ. Къ разуму относимъ то, что признаемъ истиннымъ, и вкореняемъ въ памяти. Памятїю подобны мы Отцу, разумомъ Сыну, а волею Святому Духу. Мы не имѣемъ въ себѣ ничего толь сходственнаго со Святымъ Духомъ, какъ наша воля, или любовь. Любовь есть превосходнѣйшїй и все превышающїй

даръ высочайшаго Существа. Она, естьли происходитъ отъ Бога, есть самый Богъ; называется Духъ Святый, чрезъ котораго любовь Спасителя нашего изліялась въ сердца наши, и чрезъ котораго высочайшая Тройца въ насъ обитаетъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О бѣдности человѣческой и о испытаніи страшнаго суда.

Въ разсужденіи внѣшняго человѣка, я рожденъ отъ такихъ родителей, кои прежде вступленія моего въ свѣтъ сей содѣлали меня осужденнымъ. Будучи сами грѣшники, родили они меня грѣшникомъ, и во грѣхѣ воспитали. Бѣдные произвели

вели въ свѣтъ бѣднаго, къ претерпѣнію бѣдствія міра сего. Я ничего не получилъ отъ нихъ, кромѣ бѣдности, грѣха и сего бреннаго тѣла, въ которое облеченна душа моя. Я гряду къ тѣмъ, кои тѣлесною смертію отсюда похищены. Взирая на гробы ихъ, я не нахожу въ нихъ ничего, кромѣ праха, пресмыкающихся червей, смрада и ужаса. Они были то же самое, что я нынѣ есмь; равномѣрно я то же буду, что теперь они суть. Человѣкъ составленъ изъ влажности; ибо во мгновеніе моего зачатія я получилъ начало отъ сѣмени человѣческаго. Влажность сгустившись съ онымъ, и нечувствительно возрастая, содѣлалась плотію. Наконецъ со стономъ и воплемъ изведенъ я въ темницу міра сего; и се уже нахожусь при вратахъ смерти, окруженъ беззако-

законіями и гнусностьми. Скоро, скоро уже предстану лицу не лицемѣрнаго судіи, и получу истязаніе во всѣхъ дѣлахъ моихъ.

Увы мнѣ нещастному! когда пріидетъ ужасный оный день, въ которой отверзутся книги, и представятся судіи всѣ мои дѣла, и самыя помышленія. Тогда, въ то горестное время, опустивъ глаза въ землю, терзаемый возмущеніемъ худой совѣсти, предстану предъ Господемъ моимъ съ трепетомъ и смущеніемъ, возобновляя въ памяти всѣ преступленія содѣланныя мною. Когда услышу страшный гласъ сей: Се человѣкъ и дѣла его! Во мгновеніе тогда представятся глазамъ моимъ всѣ мои злодѣянія и пороки. Дѣйствіемъ силы божественныя каждому представят-

вятся дѣла собственныя, какъ добрыя, такъ и злыя, и во мгновенїе ока начертаются въ памяти, да каждый собственною совѣстїю или обвиненъ, или оправданъ будетъ. Такимъ образомъ всѣ вмѣстѣ и каждый судимъ будетъ. Всѣ сокровенности, и всѣ тайны тогда откроются, и что нынѣ мы обнаружить предъ другими стыдимся, тогда всѣмъ будетъ открыто. Что ни сокрываемъ здѣсь съ притворствомъ, тамъ все мстительный огнь пожретъ, огнь жестокїй, съ яростїю повсюду разлившїйся. Увы! чѣмъ долѣе Зиждитель покаянїя нашего ожидаетъ, тѣмъ съ большею строгостїю произнесетъ судъ на насъ, естьли не обратимся къ нему чрезъ покаянїе.

Почто, о смертные! толико любезна намъ жизнь сїя, ко-

торая, чѣмъ болѣе продолжается, тѣмъ болѣе умножаются беззаконія наши? Чѣмъ долговременнѣе жизнь, тѣмъ многочисленнѣе наши преступленія. Зло ежедневно возрастаетъ, а добродѣтель уменьшается. Щастіе и нещастіе смертныхъ безпрестанной подвержено перемѣнѣ, и конецъ жизни сокрытъ отъ насъ въ глубокой мрачности. Подобно блестящимъ посреди небесъ и скоротекущимъ звѣздамъ, кои нечаянно отъ глазъ нашихъ скрываются, или какъ огненная искра во мгновеніе погасаетъ, и обращается въ пепелъ: съ равною скоростію конецъ человѣческой жизни приходитъ. Въ то время, когда смертный плавая во удовольствіяхъ міра, ни о чемъ не печется; и будучи увѣренъ, что жизнь его долговременна, предпріемлетъ множество дѣлъ, и рас-

располагаетъ будущее; въ то время нечаянно приходитъ смерть, и душа похищается изъ тѣла. Съ какимъ страхомъ и болѣзнію разлучается она отъ сего тлѣннаго бремени. Она зритъ тогда Ангеловъ, притекшихъ взять ее на судъ страшнаго Судіи. Воображаетъ она тогда злодѣянія свои среди дневнаго свѣта, и посреди нощной мрачности сдѣянныя; трепещетъ, старается отъ нихъ сокрыться, проситъ примиренія, и вопіетъ съ жалостію: Дайте мнѣ времени, хоть единую минуту!

Тогда самыя дѣла ея возопіютъ къ ней: мы дѣла твои, ты творила насъ; не оставимъ тебя, мы всегда съ тобою будемъ, съ тобою и къ престолу судящаго пойдемъ. Пороки произнесутъ на нее обвиненіе въ без-

безчисленныхъ преступленіяхъ. Страшные демоны ужаснымъ взоромъ своимъ приведутъ ее въ трепетъ. Съ яростію устремятся они за нею, и съ ужаснымъ звѣрствомъ окруживъ ее, будутъ силиться удержать ее, да обладаютъ ею, естьли никто не притечетъ къ ней на помощь. Бѣдная душа, бывъ свобожденна отъ чувствъ, чрезъ которыя она наслаждалась нѣкогда ложнымъ удовольствіемъ міра, узрѣвъ себя едину нагу, и отъ всѣхъ оставлену, и пришедъ въ себя, коликимъ страхомъ пораженна будетъ! Съ какимъ ужасомъ и отчаяніемъ низвержется въ царство мрачности и мученія! Бывъ плѣненна блестящими прелестями міра сего, и предавшись сластолюбію, она оставляла любовь къ Богу: нынѣ сей правосудный Владыка ее оставляетъ, и неща-

щастная влечется демонами на вѣчное мученіе. Такимъ образомъ душа грѣшника въ неизвѣстный день и часъ похищается смертію, и разлучается съ тѣломъ своимъ, трепеща и содрогаясь, грядетъ по пути бѣдствіями преисполненномъ, не имѣя никакого оправданія, ужасается, и страшится явиться предъ нелицепріятнымъ судилищемъ Божіимъ.

Какимъ ужасомъ терзается, и коль многоразличными волненіями мыслей смущается душа человѣческая въ то время, когда приближается страшная оная минута разрѣшенія души съ тѣломъ! оставляя все, и предавшись единымъ размышленіямъ о себѣ самой, и о томъ предѣлѣ, къ которому она приблизилась, множество въ себѣ находитъ такого, что перемѣ-

нить должно, но не возможно во вѣки. Она тогда ясно представляетъ себѣ, коль строгїй грядетъ Судїя! и какое она принесетъ оправданїе, какой дастъ отвѣтъ при истязанїи о жизни ея предъ толь строгимъ и неумытнымъ Судїею! Добрыхъ дѣлъ, кои ей извѣстны были, и о коихъ она имѣла свѣдѣнїе, всегда убѣгала; и по тому приступая къ судилищу, страшится паче того, чего сама въ себѣ не знаетъ. Продолженїе таковыхъ размышленїй умножаютъ ужасъ ея; трепещетъ она помышляя, что не могла путь жизни сей пройти безъ порока. Самыя невинныя минуты жизни не останутся безъ осужденїя, естьли съ строгостїю суждены будутъ. Возможно ли представить, колико преступленїй ежеминутно мы дѣлаемъ? Напротивъ того, коль часто пре-

зи-

зираемъ и попираемъ благія дѣла! Какъ грѣхъ есть зло творить, такъ и оставлять добро, есть преступленіе. Сколько впрочемъ ни великъ вредъ презирать добродѣтель, и попирать благія дѣла, прельщаться блестящею суетою, и погружать себя въ сладостяхъ міра; со всѣмъ тѣмъ коль трудно защитить сердце отъ нападенія студныхъ прелестей, и сохранить отъ нечестивыхъ помышленій! Коль трудно безъ порока совершить дѣйствія, упражняющія насъ въ жизни сей! и для того никто не можетъ совершенно познать себя. При всѣхъ размышленіяхъ о себѣ самомъ смертный остается еще самъ себѣ неизвѣстенъ, такъ что и о томъ не имѣетъ свѣдѣнія, что несетъ онъ. Вотъ причина поражающая насъ жесточайшимъ ужасомъ во время смерти!

ти!

ти! Мы хотя и помнимъ, что серце наше не было причастно къ извѣстнымъ злодѣянiямъ; но совѣсть трепещетъ того, что уже въ памяти нашей исчезло.

ГЛАВА ТРЕТIЯ.

О достоинствѣ души.

О душа, почтенная образомъ Божiимъ, украшенная Его подобiемъ, обрученная Ему вѣрою, духомъ одаренная, искупленная божественною кровiю, Ангеламъ присвоенная! О ты вмѣстильница вѣчной радости, наслѣдница неумирающаго блаженства, божественной славы сопричастница! Почто толикую любовь питаешь ты къ тѣлу, которое есть началомъ всѣхъ твоихъ нещастiй? Оно при-

причиною, что самая правда твоя, какъ одежда нечистыя женщины, почитается. Что другое есть тѣло, которымъ ты толико прельщаешься, какъ влажность, содѣлавшаяся плотїю, и одѣтая красотою? Но оно будетъ пищею червей, когда учинится согнивающимъ трупомъ. Истощи на него всѣ свои украшенїя; оно всегда останется бреннымъ тѣломъ. Естьли разсмотришь, что устами, ноздрями и другими каналами исходитъ; скажи, что презрѣннѣе сихъ изверженїй. Естьли всѣ бѣдности его начертаешь въ мысли, сколь обремененно оно беззаконїями, окруженно злодѣянїями, оскверненно вожделѣнїями, отягощено страстьми, коль скоро ко всякому злу и къ каждому пороку склонно; безъ сомнѣнїя найдешь, что оно наполнено всѣми

не-

нечестіями. О смертный! для него ты послѣдовалъ за суетою, бывъ распаленъ вожделѣніемъ; ты сдѣлался рабомъ суеты, плѣнникомъ страстей, и чадо порока.

Внемли, смертный! что ты былъ прежде твоего рожденія, что отъ рожденія, до конца жизни, и что будешь послѣ смерти. Безъ сомнѣнія было такое время, въ которое ты не существовалъ. Потомъ составился отъ слабой матери, покровенъ презрѣнною одеждою, помѣщенъ въ матернемъ чревѣ, питался кровію, и украшенія твои составляло мѣсто, съ которымъ ты вышелъ. Но ты пришелъ къ намъ одѣтый уже и убранный, по тому и не знаешь, колико подло твое начало. Твоя красота, народная любовь, юношескій жаръ и бога-

гатство помрачили твое знаніе, и ты не понимаешь, что есть человѣкъ? Онъ есть не что иное, какъ сѣмя, подверженное согнитію, собраніе мерзостей, пища червей. Послѣ человѣка является червь, потомъ смрадъ и мерзость; такимъ образомъ каждый человѣкъ превращается въ другое вещество. Такъ почто, о смертный! толико ты гордишься, забывъ, что ты былъ презрѣнное сѣмя, и кровь во чревѣ матернемъ сгустившаяся? Потомъ рожденъ къ бѣдствіямъ міра сего, и ко грѣху, а наконецъ въ мрачномъ гробѣ будешь пищею червей. Прахъ и пепелъ! Почто зараженъ ты надмѣнностію ты, котораго зачатіе; грѣхъ, рожденіе бѣдность и наказаніе, житіе трудъ и казнь, смерть терзаніе и необходимость? Почто съ толикимъ

тща-

тщанїемъ украшаешь и утучняешь плоть свою драгоцѣннѣйшими вещами, которую по прошествїи нѣкоторыхъ дней терзать будетъ червь во гробѣ? Но душу ты свою, душу, которую долженъ представить Богу, и Ангеламъ Его, не украшаешь благими дѣлами.

Для чего ты ее толико презираешь и предпочитаешь ей плоть свою? Какое злоупотребленїе, когда госпожа раболѣпствуетъ, а служанка господствуетъ! Душа превосходитъ цѣну всея вселенныя. Творецъ неба и земли душу свою положилъ за нее; чего не благоволилъ учинить за мїръ! Слѣдственно превосходнѣе цѣна души, души, за которую Единородный Сынъ Божїй дражайшую кровь свою пролилъ. Но ты какую цѣну поставляешь души своей,

своей; ты, который ее за ничто отдаешь? Не Сынъ ли Божїй, обитающїй въ нѣдрахъ Отца своего, сошелъ на землю отъ пренебеснаго своего престола, дабы исхитить ее изъ царства тьмы, и присвоить въ число чадъ Божїихъ? Зря обремененную ее тяжкими оковами грѣха, и предающуюся вѣчному мученїю, Онъ пролилъ божественныя свои слезы надъ нею. Не только источники слезъ, Онъ принялъ горькую и поносную смерть, дабы цѣною дражайшїя крови своея искупить оную отъ владычества мрачности. Внемли, о смертный! За тебя предается жертва сїя; познай, колико благородна душа твоя, и сколь жестоки были язвы ея, за которыя должно было уязвленну быть Христу, Царю мїра. Нѣтъ, Онъ не принялъ бы смерти за

раны сїи, естьлибъ они не были причиною вѣчной смерти. Не презри страданїя души твоей, которой сострадалъ великїй Строитель мїра. Онъ проливалъ за тебя слезы: окропи и ты ложе свое слезами съ чистѣйшимъ сокрушенїемъ сердца. Онъ излїялъ дражайшую кровь свою: пролей и ты свою безпрестаннымъ умерщвленїемъ плоти твоей. Естьли безсиленъ ты вдругъ положить ее за Христа, учини сїе не вдругъ, и съ тихостїю. Отврати вниманїе свое отъ вожделѣнїй плоти; внемли паче требованїямъ духа твоего: когда возвратится онъ съ торжествомъ къ Владыкѣ своему, въ то время онъ прославится: но сїе должно разумѣть тогда, естьли тѣло его очищено будетъ отъ грѣховъ, и оттрясетъ всякую скверну.

Ты вопіешь : жестоко слово сіе! Возможноль мнѣ презрѣть міръ, и возненавидѣть плоть свою? Но скажи, гдѣ находятся любители міра сего, кои не давно вмѣстѣ съ нами были? Все исчезло, и ничего не осталось послѣ ихъ, кромѣ праха и несѣкомыхъ. Внемли со тщаніемъ, что они были, и что нынѣ суть. Они были смертные, подобные тебѣ; они ѣли, пили, упражнялись въ забавахъ; дни ихъ текли въ благополучіи, и нечаянно свержены въ мрачный тартаръ. Ихъ тѣло здѣсь служитъ пищею несѣкомыхъ, а душа тамъ предана въ снѣдь огню, пока соединившись съ достойнымъ оплакиванія сонмомъ грѣшниковъ, низвержена будетъ въ вѣчныя мученія. Какую пользу принесла имъ суетная слава ихъ, оныя краткія забавы и у-

веселенія, мірская власть, блистаніе богатства, домочадство, и злыя пожеланія? Гдѣ смѣхи и забавы ихъ нынѣ, гдѣ гордость и надмѣнность? Толь краткое услажденіе привлекло толикія нещастія; толико превозносясь, низпали они въ глубокой ровъ и не понятныя мученія. Но ихъ участь можетъ быть и твоею участію; ибо ты человѣкъ, подобный имъ. Земля есть матерія, изъ которой ты сотворенъ; ея произведеніями ты питаешься, и въ нѣдра ея паки возвратишься ты, когда пріидетъ оная страшная минута, которая нечаянно постигаетъ насъ. Нѣтъ сомнѣнія, что ты умрешь: но извѣстно ли тебѣ, гдѣ, когда, и какимъ образомъ? Смерть повсюду насъ ожидаетъ; и есть ли желаемъ учиниться мудрыми,

ми, вездѣ должны ожидать ее. Естьли послѣдуешь ты вдохновенiямъ плоти твоея, то съ нею и мучимъ будешь; и когда услаждаешься съ нею, то и казнь съ нею получишь. Тотъ, кто паче Бога любитъ мiръ, невоздержность больше воздержанiя, и сладострастiе больше, нежели чистоту, похищенъ будетъ демонами, и преданъ съ ними вѣчному терзанiю.

Коликая тогда будетъ болѣзнь, какой плачь и рыданiе, когда нечестивые разлучатся отъ праведныхъ, лишенны будутъ лицезрѣнiя Божiя, и преданные во власть демоновъ низвержены будутъ съ ними во огнь вѣчный! Безпрестанный плачь и безконечное сѣтованiе будетъ составлять тамъ участь ихъ. Отдаленные отъ

блаженнаго рая будутъ мучимы въ гееннҍ, не узрятъ свҍта во вҍки, никогда не восчувствуютъ отрады; безчисленныя тьмы лҍтъ будутъ мучимы, а никогда не увидятъ окончанія. Ни мучащаго, ни мучимаго силы тамъ не истощеваются. Огнь, все пожирающій, тамъ ничего не истребляетъ. Мученія безпрестанно возобновляются; каждый по качеству злодҍянія пріемлетъ казнь, и въ единомъ прегрҍшеніи виновные одинакое наказаніе воспріемлютъ. Жалобы, стонъ, скрежетъ зубовъ, плачь и рыданіе, будутъ наполнять тамъ воздухъ; ничего не будетъ слышно, кромҍ сихъ пронзительныхъ гласовъ; и ничего не видно будетъ, кромҍ пламени, червей и мучительныхъ демонскихъ лицъ. Язвительные сіи несҍко-

комые устремятся на внутренности сердечныя, и причинятъ не понятную болѣзнь, страхъ и воздыханія; но духъ безсмертнымъ червіемъ совѣсти терзаемъ будетъ. Тамо болѣзнь не понятная, безмѣрный ужасъ, чрезвычайный смрадъ, смерть души и тѣла. Но смерть тамо никогда не умерщвляетъ, хотя самая жизнь не что иное есть, какъ безпрестанная смерть. И такъ человѣкъ или будетъ мучимъ во адѣ за преступленія, или въ блаженныхъ райскихъ селеніяхъ услаждаться благими дѣлами. Мы едино изъ двухъ избрать должны. Зло и благо, смерть и животъ предъ глазами нашими находятся; къ чему угодно, къ тому простремъ руку. Но естьли мученія нашихъ сердецъ не устрашаютъ, то да привлекутъ

насъ хотя награжденія Отца Небеснаго!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О возмездіи небеснаго отечества.

Мзда праведникамъ за добродѣтельный подвигъ жизни будетъ лицезрѣніе Божіе, сожитіе съ Богомъ и пребываніе въ немъ; ибо Онъ будетъ всяческая во всѣхъ. Стяжаніе Бога есть высочайшее благо; но гдѣ есть высочайшее благо, тамъ непремѣнно должно быть совершеннѣйшее благополучіе, пріятнѣйшее наслажденіе, истинная свобода, чистѣйшая любовь, и всегдашнее спокойствіе. Тамъ обитаетъ истинная радость,

со-

совершенное познанiе, красота и благополучiе. Тамъ царствуетъ миръ, благость, свѣтъ, доброта, честность, веселiе, сладость, безсмертная жизнь, слава, похвала, покой и сладкое согласiе. Зрѣнiе Бога будетъ возбуждать тихое и прiятное желанiе; стяжанiе высочайшаго существа сего разлiетъ сладость въ сердцѣ, производящую безпримѣрное увеселенiе. Праведникъ пребудетъ тамъ въ лонѣ вѣчности; онъ посредѣ истинны возсiяетъ, и благость будетъ составлять его радованiе; и какъ въ разсужденiи времени онъ будетъ вѣченъ, такъ въ познанiи скоръ, и къ блаженству не почувствуетъ никакого недостатка. Онъ будетъ жителемъ того великаго града, котораго граждане суть Ангели, храмъ, Богъ Отецъ; Сынъ Его,

 свѣтъ;

свѣтъ; Духъ Святый, любовь. О градъ небесный, жилище безопасное, плодородное и пространное отечество! какая тамъ тишина! какое спокойствіе посреди жителей! какое во всемъ изобиліе! коль преславная о тебѣ глаголашеся граде Божій, составляющій жилище веселящихся въ тебѣ! каждаго радость неизреченна, всѣ услаждаются Богомъ, коего зрѣніе составляетъ непонятную красоту, лице, сіяніе, глаголы сладость. Колико сладостно воззрѣніе на Него! Онъ есть весь любовь, и для величайшаго награжденія ничто не нужно, кромѣ Его единаго. Все, чего можно пожелать, въ Немъ находится; Онъ есть просвѣщеніе разума, очищеніе и побужденіе склонностей къ познанію истинны. Но знать и любить Содѣтеля своего,

его,

его есть высочайшее благополучіе человѣческое.

Какое безуміе объемлетъ насъ, съ толикою жадностію стремиться вослѣдъ порокамъ, послѣдовать тлѣнности міра сего, терпѣть бѣдствія скоротечнаго житія сего, и быть подверженнымъ всѣмъ таковымъ мученіямъ! Не должны ли мы паче воскрыляться къ славѣ святыхъ, къ содружеству Ангеловъ и къ духовной жизни, да удостоимся внити въ славу Господню, и зрѣть безпредѣльное богатство благости Его? Тогда, въ то время успокоимся мы, какъ скоро узримъ, коль благъ есть Богъ нашъ, и коль многое множество благости Его; когда увидимъ красоту славы, сіяніе святыхъ, и власть царскаго величества; когда позна-

знаемъ могущество Отца, премудрость Сына, и человѣколюбіе Свята Духа. Нынѣ помощію чувствъ тѣлесныхъ видя одни только тѣла, тамъ узримъ мысленнымъ взоромъ самую Тройцу, и познаемъ сіе высочайшее таинство. Коль сладостное видѣніе! Зрѣть Бога въ Немъ самомъ, ощущать въ себѣ самихъ, и самихъ себя въ Немъ; какое сладчайшее и неизреченное блаженство! Всѣмъ, чего ни пожелаемъ, будемъ обладать; все, на что ни обратимъ взоры, найдемъ любви достойнымъ. Сія любовь составитъ наше благополучіе; пріятность оныя и красота видѣнія утвердитъ блаженство наше. Высочайшія таинства Божія откроются нашимъ глазамъ; узримъ и возлюбимъ самаго Бога. Сіе зрѣніе и проистекающее изъ Него усла-

сла-

слажденіе заключитъ наше блаженство. Одни у всѣхъ будутъ глаголы, безпрерывное пѣніе; одна склонность, безсмертная любовь; мысли наши просвѣтитъ истинна, любовь пріидетъ въ совершенство; между тѣломъ и душею утвердится вѣчное согласіе, и прославленное человѣчество подобно солнцу возсіяетъ. Единое у Ангеловъ съ человѣками будетъ веселіе, единые глаголы, одно торжество. Не угаснетъ пламень любви никогда; скука не прикоснется во вѣки къ сему щастливому состоянію, ибо присутствіе величества Божія будетъ всяческая во всѣхъ. Нѣтъ тамъ различія языковъ; тихое и спокойное согласіе нравовъ и склонностей посреди щастливыхъ сихъ жителей царствуетъ. Сей плодоносный источникъ прино-

носитъ несказанное увеселенїе. Толикое блаженство наслѣдятъ праведники! Они будутъ обитать посреди стеченїя блаженствъ, высочайшей славы и совершенной радости.

Но кто будетъ участникомъ сего блаженнаго состоянїя? Тотъ, кто истинное покаянїе приноситъ; послушный рабъ Творца и вѣрный другъ человѣчества. Приносящїй истинное покаянїе въ безпрестанныхъ трудахъ находится; онъ терзается, воспоминая прошедшее, и въ разсужденїи будущаго старается хранить себя отъ преткновенїя. Истинное покаянїе состоитъ въ томъ, дабы безъ откладыванїя времени соболѣзновать о грѣхахъ своихъ, плакать о содѣянныхъ, и блюсти впредь отъ дѣлъ достойныхъ оплакиванїя. Но не истинно

но кающійся есть насмѣшникъ, ибо онъ того еще не оставилъ, что оплакивать должно. Удались отъ грѣха, а болѣе не помрачай себя онымъ, естьли истинное хочешь принесть покаяніе. Тщетно покаяніе, оскверняемое паки пороками. Покорный рабъ Господа своего плѣняетъ волю въ послушаніе повелѣній Его, дабы могъ сказать: готово сердце мое Боже, готово сердце мое. Готово всему предаться, что ни повелишь ты; къ исполненію самыхъ мановеній твоихъ готово. Оно готово всегда тобою быть упражненно, служить ближнимъ, предохранять самаго себя, и въ разсматриваніи небесныхъ поставлять удовольствіе. Другъ человѣчества бываетъ всѣмъ слуга. Онъ никому не тягостенъ; пылаетъ усердіемъ къ Богу;

Богу; въ разсужденiи ближнихъ хранитъ благосклонность; любитъ миръ, и не нарушаетъ спокойствiя и тишины. Онъ Господу рабъ, другъ ближнему и любитель мира. Взирая на вышшихъ, онъ находитъ удовольствiе; съ равными наслаждается дружествомъ; низшiя имѣетъ для услажденiя. Всѣ имъ довольны. Обладаемый отъ большихъ, онъ обладаетъ меньшими; искреннiй и вѣрный рабъ въ размышленiи о Богѣ и въ сохраненiи себя.

Обрати все вниманiе твое къ сохраненiю себя, о смертный! Но помня, что твои силы не достаточны учинить сiе съ щастливымъ успѣхомъ, прибѣгни къ благоутробiю небесъ. Проси со умиленiемъ ангельскаго охраненiя и предстательства всѣхъ

цар-

царствующихъ со Христомъ во славѣ, да благодать Его воспламенитъ ревность въ сердцѣ твоемъ, и направитъ волю твою къ всегдашнему размышленїю о Богѣ. Теки, проси, возопїй и глаголи: Сжальтесь надо мною, поспѣшите на помощь вы искреннїе желатели блага; прїимите блуднаго, но обращающагося сына, сродника вашего по дражайшей крови Искупителя Їисуса. Се нищїй стоитъ при дверехъ, и съ воплемъ повторяетъ въ оныя удары. Отверзите ему, и введите его къ Царю; да повергшися предъ Нимъ, изображу всѣ мои нещастїя и нужды угнѣтающїя душу мою. Наконецъ съ истиннымъ сокрушенїемъ открой сердце твое служителю таинъ Божїихъ, свидѣтелю твоего покаянїя, дабы ни единаго не осталось по-

 рока,

рока, который бы чистымъ признанїемъ истребленъ не былъ. Запечатлѣй потомъ сердце твое великимъ именемъ Іисуса, вкоренивъ оное въ груди твоей на вѣки. Когда Христосъ обитаетъ въ сердцѣ, и благодать Его хранитъ дверь онаго; когда въ присутствїи оной раждаются всѣ чувствованїя сердечныя; когда сонмъ Ангеловъ со Владыкою своимъ бодрствуютъ при входѣ внѣшнихъ чувствъ: коль далеко бѣжитъ тогда духъ злобы, завидящїй благу! Коль страшны для него сїи воинства, сей дверникъ, и сїи стражи ангельскїя!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Какъ долженъ человѣкъ себя разсматривать.

О ты искренній любитель непорочности! Вникни въ испытаніе жизни твоей ежедневнымъ изслѣдованіемъ оной. Внемли тщательно, колико ты успѣваешь въ добродѣтели, или напротивъ того ослабѣваешь; разсмотри свои поступки и склонности; такъ же сколько приближаешься ты къ Богу, или сколько отъ Него удаляешься, сколько уподобляешься Ему, или сколь различествуешь отъ Него. Употреби стараніе познать себя; ибо сіе познаніе учинитъ тебя лучшимъ, и больше принесетъ тебѣ пользы, нежели когда бы ты презрѣвъ себя,

познал движенїе звѣздъ, дѣйствїе и силы правъ, премудрое сложенїе человѣка и свойства животныхъ; словомъ, все, что на земли и въ небесахъ находится. И такъ войди въ себя, исправь худыя склонности и дѣла; обрати стопы твои на путь истинны, да ничто не останется въ тебѣ не исправленнымъ. Начертай въ мысли всѣ свои беззаконїя, и пролей источники слезъ; оплакивай беззаконїя твои и пороки, коими ты оскорбилъ Бога; яви Ему нещастїе твое, и злобу враговъ твоихъ. И когда пролїешь къ Нему со слезами моленїя твои, помяни тогда и меня.

Съ самаго того времени, какъ позналъ я тебя, во Христѣ люблю тебя, и всегда воспоминаю тебя тамъ, гдѣ нече-

сти-

стивыя помышленія сопровождаются казнію, а честныя пріобрѣтаютъ награду. Ибо хотя я и грѣшникъ есмь; но я священникъ; предстою предъ престоломъ Божіимъ, гдѣ и тебя воспоминаю. Ты равное учинишь мнѣ благодѣяніе, когда будешь имѣть любовь ко мнѣ, и во время молитвы твоей напоминать о мнѣ станешь. Когда ты о себѣ и о ближнихъ твоихъ проливаешь усердныя моленія къ небу, колико желательно мнѣ, посредствомъ твоего о мнѣ воспоминанія, присутствовать тогда вмѣстѣ съ тобою. Не удивляйся сказанному мною. Естьли ты имѣешь любовь ко мнѣ для того, что я ношу въ себѣ образъ моего Содѣтеля, то я всегда съ тобою присутствую, будучи единаго существа съ то-

тобою. Естьли ты любишь Бога, то и меня любишь имѣющаго въ себѣ образъ Божїй. Я также, любя Бога, люблю и тебя. Такимъ образомъ когда мы одного ищемъ, и къ единому стремимся, всегда вмѣстѣ сопряженны.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Сколь внимательно должно слушать церковное славословїе.

Шествуя въ церковь на моленїе, оставь за дверьми вредныя помышленїя, и истреби изъ мысли попеченїе о тѣлесныхъ вещахъ, дабы служить единому только Богу. Не возможно, чтобъ человѣкъ, разго-

говаривающїй съ цѣлымъ свѣтомъ, имѣлъ разглагольствїе съ Богомъ. Внемли тому, который вниманїе свое на тебя обратилъ; и вонми глаголы вѣщающаго къ тебѣ, дабы и Онъ приклонилъ слухъ свой, когда ты возопїешь къ Нему. Но сего учинить не можно, какъ только предстоя во храмѣ, во время священнослуженїя съ должнымъ благоговѣнїемъ и вниманїемъ, и тщательно внемля каждое слово божественнаго писанїя. Я говорю то, чего самъ не дѣлаю; но что желалъ бы дѣлать, и о чемъ жалѣю, что не исполнялъ. Но ты, который удостоился принять большїй благодати даръ, приклони къ себѣ вниманїе Господа твоего не порочными желанїями и усерднѣйшими моленїями. Умилостивляй Его о прегрѣшенїяхъ

яхъ швоихъ искренними слезами и глубокими воздыханїями. Во всѣхъ швоихъ упражненїяхъ прославляй Его духовнымъ пѣнїемъ. Нѣшъ ничего любезнѣе небеснымъ жишелямъ сей похвалы; и нѣшъ ничего прїяшнѣе самому Царю славы, какъ самъ о шомъ изъясняешся; жершва хвалы прославишъ мя, говоришъ Онъ. Колико бы шы восхищался, есшьлибъ хошя единожды досшоинъ былъ зрѣшь шесшвїе князей посредѣ дѣвъ поющихъ предъ Владыкою швари! Глазамъ швоимъ ошкрылося бы, съ какимъ вниманїемъ и удовольсшвїемъ предсшоящъ они посредѣ поющихъ, присушсшвуюшъ съ молящимися, вмѣсшѣ находяшся съ размышляющими, хранятъ покоющихся, бодрсшвующими и правящими предводишельсшвуюшъ. Небесные жи-

шели

тели несказанною пылаютъ любовїю къ своимъ сограждANамъ; наслѣдїе блаженства получающїе несравненную приносятъ имъ радость. Они укрѣпляютъ, направляютъ, хранятъ и пекутся о всѣхъ; они всѣ кипятъ желанїемъ, видѣть пришествїе наше туда; ибо ихъ ласкаетъ надежда, что возстановленїе падшаго града ихъ намъ предоставлено. Съ какимъ тщанїемъ ищутъ они и внимаютъ благо творимое добрыми, такъ какъ рачительные посредники между Богомъ и нами; они счисляютъ слезы праведника, и возносятъ воздыханїя его ко престолу Вышняго, воздая Ему за то благодатїю Его! Бывъ служителями намъ, возгнушаются ли они быть нашими друзьями? Обращенїе грѣшника къ покаянїю восхищаетъ ихъ чрезвычайною радостїю. Ахъ!

 по-

поспѣшимъ мы умножить сїе удовольствїе ихъ!

Горе желающему возвратиться на прежнюю мерзость свою, и итти вспять къ своимъ нечестїямъ! Не мнишь ли ты, что узришь ихъ милосердїе къ тебѣ на судѣ, лишивъ ихъ толь лестнаго удовольствїя! Они восхищались радостїю, когда мы запечатлѣли сердца наши благочестивою вѣрою; ибо они зрѣли тогда насъ возвращающихся отъ вратъ смертныхъ: но что будетъ, когда находящихся уже единою ногою въ Елисейскихъ поляхъ, увидятъ насъ изгнанныхъ оттуда, и вспять текущихъ? Потечемъ къ Отцу нашему скорыми стопами, обратимъ къ Нему наши склонности, желанїя и воздыханїя. Не одни Ангели: Творецъ сихъ чистыхъ духовъ самъ ожидаетъ

даетъ насъ. Ожидаетъ Богъ Отецъ какъ возлюбленныхъ чадъ своихъ и наслѣдниковъ, да поставитъ ихъ надъ всѣмъ имѣнїемъ своимъ; Сынъ Божїй ожидаетъ какъ братїй своихъ, да принесетъ плодъ ко Отцу воплощенїя своего, и пролїянной крови за грѣшниковъ; Духъ Святый ожидаетъ, будучи весь любовь и милосердїе. Мы прежде вѣкъ предопредѣлены ему; и нѣтъ сомнѣнїя, что сїе предопредѣленїе будетъ исполнено. И такъ, когда всѣ жители небесъ ожидаютъ насъ къ себѣ, и желаютъ зрѣть съ собою, то воспламенимся и мы симъ желанїемъ. Тотъ, который не пылалъ нетерпѣливостїю и не стремился Содѣтеля своего зрѣть, объятый стыдомъ и смущенїемъ прїидетъ къ Нему. Напротивъ того непрестаннымъ размышленїемъ и теплыми моле-

ленїями въ немъ обращающїйся безъ трепета оставитъ сїю жизнь, и съ великимъ удовольствїемъ воспрїятъ будетъ въ вѣчности. Для того, гдѣ бы ты ни находился, возсылай въ сердцѣ своемъ молитвы къ небесамъ. Когда отдаленъ будешь отъ молитвеннаго храма, да не безпокоитъ тебя сїе; не пекись о мѣстѣ, онъ вездѣ присутствуетъ, и на всякомъ мѣстѣ молящемуся храмъ есть.

Безпрестанно должно возсылать моленїя къ небу, и тѣло повергши на землю, мыслїю воскрыляться къ Богу. Нѣтъ ни единой минуты, въ которую бы человѣкъ не наслаждался благостїю и милосердїемъ Божїимъ; и для того ни единой минуты не должно пропускать, не имѣя въ мысли сїе благотворное божество. Но ты возражаешь,

что

что ежедневно молишься ты; но твои мольбы не имѣютъ ни малаго успѣху; что какъ начинаешь, такъ и оканчиваешь молитвы свои; никто не отвѣчаетъ тебѣ, никто съ тобою не разглагольствуетъ, и никто ничего не посылаетъ; кажется, что моленія твои тщетны, и труды напрасны. Се мысли, вперяемыя безуміемъ человѣческимъ, не внемлющимъ глаголовъ вѣчной истинны, которая вѣщаетъ: Аминь глаголю вамъ, яко аще чего молящеся просите, вѣруйте, яко пріимете, и будетъ вамъ. И такъ не должно оставлять молитвы; ибо тотъ, къ коему она возносится, не презираетъ оной; но прежде, нежели она исторгнется изъ устъ, уже онъ пишетъ ее въ книгѣ своей. Единаго изъ двухъ безъ сомнѣнія должно ожидать намъ; ибо Не-

 бесный

бесный Отецъ нашъ низпосылаетъ намъ молящимся или то, о чемъ просимъ Его, или что признаетъ полезнѣйшимъ. Высокія мысли и хорошія должно имѣть о Богѣ, такъ какъ о самомъ себѣ самыя низкія. О немъ больше должно вѣрить, нежели помыслить можно. Исчезло время то, въ которое ты не размышлялъ о Богѣ. Все, что мы имѣемъ, есть чужое; одно только время наше. Такъ употребляй Его въ пользу свою, и гдѣ ты ни будешь находиться, будь самъ въ себѣ. Не отдавай себя ничему, но только одолжай собою; вездѣ помышленія свои устремляй къ небесамъ, и спасительными мыслями питай твою душу; ибо всѣ мѣста способны къ размышленію. Обогащай духъ свой благими дѣлами, обитай самъ въ себѣ, и ходя въ нѣдрахъ сердца тво-

твоего, устрой въ немъ Iисусу велiю и украшенную вечерю. Умъ премудраго всегда стремится къ живущему на небесахъ. Тотъ, коимъ мы существуемъ, живемъ и чувствуемъ, долженъ всегда находиться предъ глазами нашими; и какъ Онъ единъ есть нашего бытiя источникъ и начало, то Онъ единъ да будетъ намъ въ мудрости Наставникъ, и Податель благъ въ достиженiи вѣчности блаженства.

И такъ устрой въ сердцѣ твоему храмъ Богу. Почитанiе, и подражанiе Ему есть самая высокая для него честь. Послѣдуй ему, естьли ты благочестивъ. Храмъ святъ Богу есть мысль непорочная, и престолъ Его чистое сердце. Когда ты будешь столько милостивъ, сколько Онъ милосердъ

ко всѣмъ, тогда будь увѣренъ, что ты почитаешь Его. Самая прiятнѣйшая Богу жертва есть, поступать сходно съ поступками Сына Его на земли, да учинишься достоинъ того, который удостоилъ тебя назвать сыномъ своимъ. Увѣрь себя, что Богъ присутствуетъ при всѣхъ дѣлахъ твоихъ. Для того храни себя, чтобы твое зрѣнiе или помыслъ не плѣнялися тѣмъ, что вредное увеселенiе приноситъ; ничего не произноси языкомъ твоимъ, и не дѣлай, что не дозволено, хотябъ и можно было. Бога, который вездѣ присутствуетъ, и на все взираетъ, никакимъ дѣломъ и никакимъ знакомъ не прогнѣвляй. Великая нужна тебѣ осторожность; ибо ты живешь предъ такимъ Судiею, отъ котораго ничто не можетъ быть сокрыто. Но ты предъ Нимъ

всегда

всегда будешь безопасенъ, естьли такъ себя устроишь, чтобъ Онъ всегда съ тобою быть благоволилъ. Но когда Онъ удалится отъ тебя благодатїю своею, то сїе будетъ тебѣ уже мщенїемъ. Нещастливъ ты, естьли Онъ такимъ образомъ присутствовать въ тебѣ будетъ: но еще болѣе злощастенъ, когда вовсе тебя оставитъ. Ибо гнѣвается на того Богъ, котораго беззаконїя остаются безъ наказанїя; и кто здѣсь наказанїемъ не исправляется, тотъ въ будущемъ вѣкѣ наказанъ будетъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Размышленїе о смерти.

Смерть и дїаволъ повсюду грозятъ тебѣ, стараясь напасть

пасть на душу твою, и похитить ее, какъ скоро съ тѣломъ разлучится. Но отдали отъ себя ужасъ; обитающее въ тебѣ божество, естьли только оно въ тебѣ обитаетъ, не допуститъ тебя подъ власть смерти и дїавола. Сей вѣрный и твердый Охранитель не оставляетъ имѣющихъ на Него упованїе; Онъ оставляетъ только оставившихъ его. Но оставляетъ Его тотъ, чье сердце развращенно и мысль повсюду заблуждаетъ. И для того съ крайнимъ прилѣжанїемъ хранить его у себя должно. Ибо всѣ твари, находящїяся въ поднебесной, исполнены суетами; и нѣтъ ничего превосходнѣе, ничего благороднѣе человѣческаго сердца; нѣтъ ничего подобнѣе Богу. Онъ и не требуетъ отъ насъ ничего другаго, кромѣ сердца; очистимъ Его истиннымъ покаянїемъ

янїемъ и молитвою, да Царя небесъ чистымъ сердцемъ узрѣть можемъ во всегдашнемъ объ немъ размышленїи. Будемъ Ему покорны и послушны на всякомъ мѣстѣ; исправимъ наши поступки, дабы совѣсти доставить спокойствїе; возлюбимъ всѣхъ людей, и потщимся учинить себя любезными имъ; будемъ миролюбивы, да сынами Божїими наречемся. Такимъ образомъ ты учинишь себя добродѣтельнымъ человѣкомъ, святымъ, смиреннымъ и праведнымъ; и когда такимъ здѣлаешься, воспомяни тогда и меня.

Увы мнѣ! что не творю сего, о чемъ вѣщаю, и хотя иногда упражняюся въ томъ, но не долго. Все сїе напечатлѣнно въ моей памяти, но въ житїи ничего не находится; сїе бываетъ и въ самыхъ моихъ разго-

ворахъ, но въ поступкахъ нѣтъ. Устами упражняюся въ законѣ весь день; но въ дѣлахъ моихъ все противное закону находится. Упражненъ бываю чтенiемъ; но чтенiе люблю паче молитвы. А писанiе божественное научаетъ только меня быть благочестивымъ, хранить согласiе и имѣть ко всѣмъ любовь. Но меня нещастнаго склонность болѣе влечетъ къ чтенiю, нежели на молитву; съ большимъ удовольствiемъ читаю, нежели божественное служенiе. Ожидаетъ ли кто меня, желая изъясниться о своей надобности; я упражненъ чтенiемъ; чрезъ оное теряю плоды любви, благочестiя и добрыя склонности; удаляюсь отъ слезъ и сокрушенiя; лишаюсь пользы, происходящей отъ церковнаго славословiя, и отъ размышленiя о небесныхъ. Но что сладо-

достнѣе въ жизни сей быть можетъ, что толь сильно отвлекаетъ мысль отъ любви міра сего, что душу противъ искушеній толико укрѣпляетъ, какъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ проліянная къ небесамъ молитва и размышленіе о Богѣ?

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Съ какимъ вниманіемъ молиться должно.

Помилуй мя Боже! тамъ, гдѣ я долженъ исправлять мои преступленія, я болѣе утопаю въ злодѣяніяхъ. Когда молюся, часто не понимаю ни мало, что произноситъ языкъ мой. Уста мои только занимаются молитвою; но мысль паритъ по пространству суетнаго міра. Я

только тѣломъ нахожусь внутри храма, а сердце мое внѣ онаго. Для того я совсѣмъ лишаюсь пользы проистекающей отъ молитвы; ибо, какое прiобрѣтенiе, когда одинъ голосъ упражненъ пѣнiемъ безъ соотвѣтствiя сердечнаго. Коль убо великая развратность, и коль страшное безумiе обемлетъ насъ, когда, возсылая моленiя къ престолу Господа славы, предпрiемлемъ разглагольствовать съ великимъ Зиждителемъ вселенныя; но въ то же самое время сердце наше отвращаемъ отъ Него, и наполняемъ суетными помышленiями! Какое страшное безумiе, говорю я, и коль жестокаго мщенiя достойное, когда презрѣнный прахъ, Зиждителя глаголющаго къ Нему внимать не хочетъ! Но коль неизреченно снизхожденiе благости Твоея Владыко небесъ!

бесъ! О Ты! который зря безпрестанно насъ отвращающихся отъ Тебя и ожесточенныхъ, не престаешь призывать къ себѣ, толкая въ сердце наше и глаголя: Обратитеся ко мнѣ преступники, упразднитеся и видите, яко азъ есмь Богъ.

Когда Богъ вѣщаетъ ко мнѣ во псалмѣ, и я къ Нему; въ то самое время произнося устами моими псаломъ сей, я не внимаю, чей онъ есть. Какое великое оскорбленіе Вышнему! Просить Его, чтобъ внялъ нашу молитву, и между тѣмъ самимъ не понимать оной; просить Бога, чтобъ услышалъ насъ, а самимъ ни Ему, ни себѣ не внимать; но что всего мерзостнѣе, помышлять въ сердцѣ о вредныхъ, студныхъ и безполезныхъ дѣяніяхъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О непостоянствѣ человѣческаго сердца.

Нѣтъ ничего въ человѣкѣ непостояннѣе его сердца. Коликократно оно удаляется отъ насъ, и развлекается разными развращенными помышленїями, толикократно оскорбляетъ Бога. О суетное и не постоянное сердце! Какъ скоро оно оставляется самому себѣ, и не управляется Божїею благодатїю, не можетъ ни мало быть не поколебимо, не постояннѣе всѣхъ не постояннѣйшихъ вещей на свѣтѣ, развлекается безчисленнымъ множествомъ вещей, туда и сюда неисчетными увлекается предметами. Оно вездѣ ищетъ себѣ покоя, но нигдѣ не обрѣтаетъ; изнуренно,

ренно, обезпокоено, не соглашается само съ собою; отвергаетъ желанія, перемѣняетъ предпріятія; созидаетъ новыя, опровергая старыя, и вдругъ опровержённыя паки возобновляетъ, паки перемѣняетъ ихъ то тѣмъ, то другимъ образомъ; желаетъ и отвращается, и никогда въ одномъ состояніи не бываетъ. Подобно какъ мѣльничный жерновъ, раздробляя все, что ни повергается въ него, ничего не отвергая, и хотя ничего не будетъ положено, то самаго себя истребляя, безпрестанно продолжаетъ свое кругообращеніе: равнымъ образомъ сердце наше всегда въ движеніи, никогда не успокоивается. Какъ тотъ же самый жерновъ, положенный въ него песокъ раздробляетъ, какъ смола или сажа мараетъ, и какъ пыль, все, до чего ни коснется,

снется , покрываетъ ; такъ помышленія смущаютъ сердце мое , нечистота и мерзость оскверняетъ оное , суета безпокоитъ и терзаетъ , когда не печется оно о будущемъ, когда не плѣняется небеснымъ и зараженно земными.

Удаляясь отъ превыспренних ъ , и въ земныхъ упражняясь , оно похищается суетою ; любопытство его отвлекаетъ отъ благихъ , сладострастіе заражаетъ , обольщаетъ вожделѣніе , роскошь оскверняетъ , терзаетъ зависть, возмущаетъ гнѣвъ , печаль изнуряетъ. Такимъ образомъ погружается въ безднѣ не понятныхъ мученій , потопляяся въ порокахъ , и оставляя Бога , который одинъ только можетъ его успокоить. Переходя отъ единой вещи ко другой , то тамъ , то здѣсь ищетъ

ищетъ спокойствія, но тщетны всѣ усилія, и ничто не можетъ его удовольствовать, пока не возвратится къ себѣ. Входя изъ помышленія въ помышленіе, и по разнымъ дѣламъ и помышленіямъ летая, желаетъ найти отраду хотя въ перемѣнѣ вещей, но тщетно все, нѣтъ нигдѣ удовольствія. Такимъ образомъ погибаетъ нещастное сердце лишившись благодати Вышняго. Когда наконецъ входитъ оно въ себя, и разсматриваетъ свои помышленія, ничего не находитъ, кромѣ единой пустоты; ибо все, что въ немъ ни находилось, было суетно. Толико обольщаетъ его воображеніе, распаленное демонскою хитростію! Хотя я слышу гласъ Божій, повелѣвающій мнѣ сердце мое принести Ему въ жертву: но я не внемлю симъ глаголамъ, и не пови-

винуюсь моему Содѣтелю, чрезъ сїе становлюсь самому себѣ противникомъ и врагомъ. Но доколѣ не повинуся ему, не могу покориться самъ себѣ. Сердце мое во едино мгновенїе болѣе желаетъ, нежели цѣлый свѣтъ въ теченїе года учинить можетъ. Не бывъ соединенъ съ Богомъ, могу ли согласиться самъ съ собою? Но соединиться съ Нимъ не возможно, какъ только посредствомъ любви; не льзя ему покориться, развѣ чрезъ смиренїе; но не можно стяжать смиренїя, кромѣ посредства истинны.

И такъ мы обязаны разсмотрѣть себя въ истиннѣ, и познать, колико мы подлы, сколь непостоянны и поползновенны. А познавъ собственную бѣдность, надлежитъ прилѣпляться къ тому, чрезъ котораго

раго мы существуемы, безъ котораго и быть, и ничего дѣлать не можемъ. Грѣхъ отвлекъ меня отъ Бога; къ нему должно и возвратиться мнѣ истиннымъ покаянїемъ. Надобно признаться во всемъ, ибо я еще никогда не признавался такимъ образомъ, и съ такимъ намѣренїемъ, съ каковымъ грѣшникъ обязанъ исповѣдать свои беззаконїя. Я никогда еще всѣхъ моихъ пороковъ не воспоминалъ или за давнимъ временемъ, или за множествомъ ихъ. И когда ихъ исповѣдывалъ, я не чистосердечно признавался, мерзость оныхъ отъ того меня удерживала. Разнымъ священникамъ исповѣдывалъ я разныя преступленїя; но никогда одному не призналъ всѣхъ. Сїе не допустило меня получить прощенїе. Ибо какое беззаконїе, и какое проклятїя достойное притворство

ство есть, раздѣлять исповѣданіе, и наружно только каяться; но во внутренности быть такимъ же злодѣемъ, какъ и прежде. Безполезно признаніе, естьли оно не искренно и не чистосердечно.

Но ты скажешь: не довольно ли исповѣдаться единому Богу; ибо священникъ безъ Него разрѣшить не можетъ. Внемли отвѣту святаго Іакова. Исповѣдайте другъ другу согрѣшенія ваша, говоритъ онъ. Мы здѣлавшись непокорными Богу чрезъ преступленія, должны покориться священникамъ служителямъ Его таинъ. Ибо человѣкъ не имѣя нужды въ посредникѣ къ сохраненію благодати Божіей, возвратить оную не иначе, какъ чрезъ посредника можетъ. Сѣтуй и воздыхай, болѣзнуй о беззаконіяхъ твоихъ и трепещи,

теки скоро искать предстателей и посредниковъ; не восхотѣвъ предстоять Зиждителю во уничиженіи, повергнися со смиренiемъ предъ человѣкомъ. Сердцемъ сожалѣть, и устами преступленіе свое исповѣдывать весьма полезно. Богъ, вездѣ присудствующій благодатію своею, воспламеняетъ сердце къ покаянію, а во время онаго присудствуя, низпосылаетъ исповѣдующемуся оставленіе грѣховъ. Когда грѣшникъ желающій принести истинное покаяніе, стеченіемъ разныхъ обстоятельствъ и крайними нуждами воспященъ бываетъ; мы должны быть увѣрены, что высочайшій Священникъ исполняетъ въ немъ сію должность, которой самъ смертный совершить не могъ. Богъ пріемлетъ то за самое дѣло, что смертный искренно учинить хотѣлъ; ибо не пре-

презрѣнїе или нерадѣнїе побудило его оставить желаемое, но нужда и необходимость.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

О неизвиняемомъ преступленїи.

Будучи обязанъ истреблять изъ сердца моего пороки, я усугубляю оные. Когда обвиненъ бываю я въ нихъ, то я ихъ нѣкоторымъ образомъ извиняю, или, что всего злѣе, защищаю оные, и отвѣтствую за нихъ, будучи толико погруженъ въ беззаконїя, что нѣтъ ни единаго порока, которымъ бы я оскверненъ не былъ. Должно, увы! должно, дабы я оставивши все, предпрїялъ себя исправить, естьли отъ кого нибудь обвиняемъ

въ

въ чемъ буду; ибо симъ образомъ и содѣланный грѣхъ истреблю, и отъ будущихъ пороковъ могу защитить себя.

ГЛАВА ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ.

Коль худо другимъ поблажать въ порокахъ.

Трепеща множества собственныхъ злодѣянiй, убоялся я обличать другихъ, видя ихъ преступленiя, чрезъ что учинился я виновникомъ смерти ихъ, ибо смертоносный ядъ, который я могъ словами моими истребить изъ сердца ихъ, не истребилъ. Ненависть во мнѣ кипѣла противъ тѣхъ, которые и меня обличали, и коихъ я долженъ былъ любить, тѣхъ ненавидѣлъ. Я желалъ, чтобъ того совсѣмъ не было, что мнѣ

вредно и не прїятно было, хотя и былъ увѣренъ, что оно по существу своему хорошо, и отъ благаго Содѣтеля сотворено. Злоупотребленїе мое и развратность дѣлали оное для меня вреднымъ; ибо нѣтъ столь жестокаго мнѣ противника, какъ я самъ себѣ. Я все то имѣю, и съ собою ношу, что вредъ мнѣ приноситъ. Желательно мнѣ было, чтобъ пороки мои были сокровенны отъ Бога, или, чтобъ Онъ ихъ не благоволилъ наказывать, или наконецъ, чтобъ не могъ сего сдѣлать. Такимъ образомъ сдѣлалъ я, чтобъ Богъ не былъ премудръ, праведенъ и всемогущъ. Ахъ! естьли гордость больше гордости моей? Сего ради далече отъ спасенїя моего словеса грѣхопаденїй моихъ. Коль ненавистна гордость Богу! Она никогда не можетъ съ Нимъ примириться; оба разныя обиталища

ща имѣютъ, вѣчно не могутъ жить въ одномъ сердцѣ. Она рожденна на небесахъ: но будто забывъ совсѣмъ, какимъ путемъ оттуда низвержена, не можетъ уже туда возвратиться. Когда стихїи исполняли свои перемѣны и воздухъ обремененъ былъ дождемъ, мразомъ, или зноемъ, я тогда роптал на Бога. Ибо все то, что сотворено для пользы нашей, мы обратили въ собственное наказанїе; почему достойно и праведно, дабы мы во всемъ согрѣшившїе за все были и наказаны. Я часто при божественномъ священнослуженїи измѣнялъ мой голосъ для прїятнѣйшаго пѣнїя. Но Богъ не прїятностїю голоса, сердечнымъ паче сокрушенїемъ Онъ услаждается. Онъ, отъ котораго ничто сокровенно быть не можетъ, не на чистоту гласа, но на непорочность сердца взираетъ.

 Ча-

Часто различными хитростями и съ неблагопристойностію испрашивалъ я дозволеніе у духовниковъ что нибудь говорить, или дѣлать. Нещастный! я не понималъ, что тотъ самъ себя обманываетъ, кто тайнымъ, или явнымъ образомъ старается, чтобъ отецъ духовный то на него наложилъ, что ему пріятно. Часто покушался я простерть беззаконную руку мою на иглу, ножичекъ, или другую малость; я сей бездѣлицы не почиталъ за грѣхъ. Но при всемъ томъ различіе очень малое находится въ семъ случаѣ между вещьми, какіябъ они ни были, великія, или малыя, когда равно повреждается. Ибо не игла есть порокъ, но страсть къ ней, и не злато почитается злодѣяніемъ, но пожеланіе къ оному. Трудами я не столько себя изнурялъ, сколько

ко былъ долженъ; въ покоѣ пребылъ празднымъ, и за то получилъ грѣхъ. Ибо въ спокойствіи находясь праздну быть не должно столько, чтобъ не помышлять о пользѣ ближняго, и столько дѣлами заниматься не должно, чтобъ не льзя было размышлять о Богѣ. Тотъ навсегда лишается благихъ успѣховъ въ дѣлахъ своихъ, кто не желаетъ ближнему блага, бывъ въ состояніи учинить сіе. Многократно я пороки мои поставлялъ себѣ за честь и похвалу, считая за добродѣтель, что было преступленіе. Самыя добродѣтели преображалъ я въ пороки. Ибо самое правосудіе, когда превосходитъ предѣлы, обращается въ жестокосердіе и безчеловѣчіе, равно какъ чрезмѣрное смиреніе послабляетъ пороки. Такимъ образомъ добродѣтель иногда дѣлается порокомъ, и порокъ почитается до-

вродѣтелїю. Такъ разслабленная считается кротостїю, и нерадѣнїе получаетъ имя спокойствїя. Часто я притворялся такимъ, каковъ я не былъ; увѣрялъ, что я хочу того, чего совсѣмъ не хотѣлъ. Сердце мое ни мало не соотвѣтствовало языку. Такимъ образомъ агнчею кожею покрывалъ волчью совѣсть. Такъ подлинно можно назвать принужденное, воздержанїе, развратные помыслы, притворную исповѣдь, рѣдкое и краткое сокрушенїе сердца, послушанїе безъ искренности, молитву безъ вниманїя, чтенїе безъ примѣчанїя, и слова произнесенныя безъ разсмотрѣнїя.

Коль жестоко сїе для моей совѣсти, что говорю я теперь; ибо слова мои самаго меня терзаютъ. Но какъ я признаю себя беззаконнымъ, то можетъ

жетъ сïе признанïе испроситъ мнѣ оставленïе у Отца моего Небеснаго. Реку Ему, и повѣмъ всѣ мои бѣдствïя, можетъ благоутробïе Его подвигнется оными; явлю грѣхъ мой, ибо признанïе преступленïя есть начало исправленïя. Правила постовъ я наблюдаю, и всегда въ должное время упражняюсь въ славословïи, но сердце мое удалено отъ Бога. Взирая на мою поверьхность, мнѣ кажется, что я совсѣмъ здоровъ, но внутренность чрезвычайно повреждена. Откуду Осïя, поядоша чуждïи крѣпость мою, и не разумѣхъ: и того ради устремляяся на внѣшняя, не вѣдый внутреннихъ моихъ, яко вода излïяхся, и въ ничто обратихся, прошедшая забывая, о настоящихъ не радя, и будущихъ не предусматривая. Не благодаренъ предъ Благодѣтелемъ Богомъ,

 скло-

склоненъ ко злу, къ добру медлителенъ.

✵ ✵ ✵ ✵ ✵ ✵ ✵ ✵ ✵ ✵ ✵ ✵ ✵ ✵ ✵ ✵ ✵

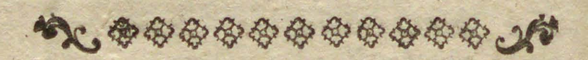
ГЛАВА ВТОРАЯНАДЕСЯТЬ.

Какъ должно себя разсматривать.

Взирая на самаго себя, не познаю я себя: но когда тщательно разсматриваю, то изъ терпѣнія выхожу, толико нахожу въ себѣ достойнаго обличенія и посрамленія. Чѣмъ больше вникаю въ себя, и чѣмъ чаще разсматриваю, тѣмъ болѣе нахожу мерзостей въ нѣдрахъ сердца моего. Съ самаго начала, когда грѣхъ прикоснулся ко мнѣ, и порокъ возобладалъ мною, ни единаго дня не провелъ безъ преступленій, но еще не перестаю обременять себя преступленіями.

ми. День отъ дня пороки умножаются, но я не стеню. Стыда достойныя дѣла окружаютъ меня, я не стыжуся. Зрю дѣйствія въ себѣ достойныя сожалѣнія, и не жалѣю. Вотъ знакъ смерти и осужденія! Членъ, не чувствующій болѣзни, мертвъ есть, и болѣзнь его неизлечима. Исполненъ развращенія, разслабленъ, не могу я себя исправить; но на мерзости пороковъ, отъ коихъ очистился покаяніемъ, паки возвращаюся; не страшитъ меня бездна, въ которую низверженъ былъ я, и привлекъ другихъ съ собою, или видѣлъ низпадшихъ въ оную. Когда долженъ былъ обливаться слезами, и молиться о злыхъ содѣянныхъ мною, увы! Лѣность возобладала мною, истребился въ сердцѣ жаръ къ молитвѣ, и я подобно какъ лишенный чувствъ оледенѣлъ. Не могу пролить слезъ

о себѣ, ибо благодать Божія отъ меня удалилась.

ГЛАВА ТРЕТІЯНАДЕСЯТЬ.

О угрызеніи совѣсти.

Не можемъ мы сокрыть беззаконій нашихъ, ибо совѣсть повсюду за нами слѣдуетъ, нося все то, что ни сокрыли мы въ ней, зло и добро. Она хранитъ все сіе во время жизни нашей, отдаетъ намъ закладъ сей и при смерти. Естьли мы падаемъ въ преступленіе, присудствуетъ и она тамъ; и ежели добро дѣлаемъ, она съ нами же находится. Она обитаетъ въ живыхъ насъ, послѣдуетъ и за мертвыми. Вездѣ не разлучна бывъ съ нами, честь, или посрамленіе приноситъ по качеству дѣлъ нашихъ.

Та-

Такимъ образомъ мы въ собственномъ нашемъ домѣ, въ собственныхъ рабахъ нашихъ имѣемъ доносителей, свидѣтелей, судей и мучителей; ибо совѣсть насъ обвиняетъ, память занимаетъ мѣсто свидѣтеля, разумъ есть судія, похоть темница, страхъ мучитель, забавы, терзаніе. Сколько злыхъ увеселеній услаждали насъ, столько будетъ жестокихъ мученій на насъ низпослано. Ибо то, что увеселяетъ, будетъ намъ наказаніемъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯНАДЕСЯТЬ.

О трехъ врагахъ человѣка.

Призри на мя Господи, ибо врази мои душу мою одержаща, то есть, тѣло, миръ и

и дїаволъ. Не могу я сокрыться отъ тѣла, ни его отъ себя отдалить, обязанъ повсюду имѣть его съ собою, ибо оно со мною сопряжено. Умертвить его запрещено, я принужденъ сохранять его. Но питая его, я питаю врага противъ себя. Ибо есть ли я довольное количество стану употреблять пищи, и учиню его крѣпкимъ, то самое здравіе и крѣпость его противъ меня вооружится. Міръ также окружаетъ меня и обдержитъ со всѣхъ сторонъ, и подобно какъ чрезъ пять вратъ, чрезъ пятерицу чувствъ, то есть, зрѣніе, слышаніе, вкусъ, обоняніе и осязаніе язвитъ меня своими стрѣлами, и смерть сими окнами входитъ въ душу мою. Глаза посредствомъ видѣнія часто возмущаютъ мысль и сердце. Ухо творитъ то же самое помощію слышанія. Обоняніе приводитъ

въ

въ замѣшательство внутренняя чувства, языкъ обольщаетъ и обманываетъ; чрезъ осязаніе возбуждается вожденіе плоти. Естьли оное скоро не угасишь, мгновенно разліется по всему тѣлу, и воспалитъ оное, касаясь прежде плоти, потомъ и самыхъ мыслей. Мерзостное его услажденіе оскверняетъ тѣло, наконецъ обладаетъ всѣмъ человѣкомъ. Въ то время діаволъ, въ видѣ сокровенномъ отъ глазъ нашихъ, дабы менѣе его страшилися, напрягаетъ лукъ свой, и уготовляетъ смертоносныя стрѣлы, коими нечаянно разитъ насъ. Онъ сокрываетъ ихъ подъ сребромъ, златомъ, и во всемъ томъ, что плѣняетъ насъ, и что мы во зло употребляемъ, наслаждаясь имъ. Но не одни стрѣлы для насъ уготованы, онъ распростираетъ еще сѣти, а оныя суть: страсть къ облада-

данію многимъ, пристрастіе къ сродству, желаніе чести и тѣлесныя возженія. Душа наша уловляется ими, и запутавшись тамъ, не можетъ уже крылами размышленія парить къ горнему Сіону. Стрѣлы діавольскія также суть: гнѣвъ, зависть, роскошь, и другія страсти, коими душа уязвляется. И кто можетъ угасить сіи огненныя стрѣлы лукаваго? Увы! симито орудіями побѣждается часто вѣрная душа.

Колико я нещастенъ, будучи окруженъ отвсюду войною; со всѣхъ сторонъ упадаютъ на меня стрѣлы, кругомъ искушенія, повсюду бѣды. Куда ни обращусь вездѣ опасность; все, что ни услаждаетъ, печалитъ, или оскорбляетъ, все меня приводитъ въ трепетъ. Гладъ, и насыщеніе, бодрствованіе и

сонъ, трудъ и покой, все противъ меня вооруженно. Не меньше я долженъ страшиться щастїя, какъ и самаго нещастїя. Ибо самое благополучїе осыпая прїятностьми, дѣлаетъ не осторожнымъ; нещастїе же, такъ какъ наполненное горестями, страшитъ и терзаетъ. Зло, чинимое мною тайно, больше для меня ужасно, нежели то, которое явно творю. Ибо въ томъ злодѣянїи, которое отъ всѣхъ сокрыто, никто меня не обличаетъ; но гдѣ не опасаются обличителя, тамъ искуситель безопаснѣе поступаетъ, тамъ скорѣе и дерзновеннѣе исполняется беззаконїе. И такъ вездѣ брань, во всѣхъ мѣстахъ бѣдствїе, повсюду опасаться должно, подобно какъ въ не прїятельской землѣ находясь, во всѣ стороны озираться, и при всякомъ звукѣ осматриваться над-

надлежитъ. Плоть представляетъ нѣжности, міръ суеты, діаволъ горести. Ибо коликократно возмущеніе плоти безпокоитъ духъ пищею, питіемъ, сномъ, или прочимъ, тогда плоть ко мнѣ вѣщаетъ, но міръ возбуждаетъ гордость, надменность и суетныя помышленія.

Наконецъ діаволъ возжигаетъ гнѣвъ, распаленіе и злобу, коимъ сопротивляться не меньшаго труда стоитъ, какъ самому демону. Его упражненіе есть сѣять въ сердцахъ нашихъ злыя побужденія, а наша должность противоборствовать онымъ. Ибо сопротивляясь онымъ, побѣждаемъ мы діавола, веселимъ Ангеловъ, и самому Творцу славу приносимъ. Онъ самъ возбуждаетъ насъ къ сраженію и споспѣшествуетъ въ побѣдахъ. Тщательно взираетъ на насъ сражающ-

щих-

щихся, ослабѣвающихъ ободряетъ, и вѣнчаетъ по одержаніи побѣды.

ГЛАВА ПЯТАЯНАДЕСЯТЬ.

Откуда человѣческое тѣло, и что оно производитъ.

Начало моей плоти есть грязь, и по тому она ничего не можетъ произвесть, кромѣ сладострастныхъ и студныхъ помышленій; отъ міра происходятъ также суетныя мысли, а діаволъ возжигаетъ злобныя. Гонимый отъ сихъ трехъ непріятелей иногда тайныя, иногда явныя, но всегда злобныя терплю я отъ нихъ нападенія. Плоть споспѣшествуетъ діаволу, ибо домашній врагъ больше вреда приноситъ. Она учинила съ нимъ

договорЪ погубить меня, будучи рожденна грѣхомЪ; она во грѣхахЪ воспитана, растлѣнна беззаконіями отЪ самаго ея рожденія, и развращенною привычкою совсѣмЪ испорчена. ВотЪ причина, для чего она толь жестоко воюетЪ противЪ духа; непрестанно произноситЪ роптанія, не терпитЪ наказанія, плѣняется запрещеннымЪ, и непокоряется разуму, ниже воспящается какимЪ нибудь страхомЪ. СЪ нею - то соединяется, ей вспомоществуетЪ, ее употребляетЪ орудіемЪ злобный оный врагЪ рода человѣческаго, лукавый демонЪ, не имѣющій инаго желанія, кромѣ упражненія вредить, и иной заботы, кромѣ погибели душЪ нашихЪ.

Непрестанное зло есть всегдашнее его упражненіе; сЪ какою хитростію вѣщаетЪ я-

зыкъ его, коль лестныя дѣлаетъ представленія, и сколь лукаво обольщаетъ! Вдыхаетъ вредныя впечатлѣнія, воспаляетъ злые помыслы, возжигаетъ брани, злобу питаетъ, возбуждаетъ сластолюбіе, воспаменяетъ похоть, безумныя желанія раждаетъ, готовитъ случай къ паденію, и разными хитростьми сердце человѣческое непрестанно влечетъ къ злодѣянію. Такимъ образомъ собственнымъ нашимъ жезломъ налагаетъ намъ раны, и нашимъ собственнымъ препоясаніемъ связываетъ насъ, обращая въ погибель нашу плоть данную намъ въ помощницы. Колико трудностей, сражаться съ домашнимъ врагомъ, а паче по тому, что мы здѣсь пришельцы! Онъ живетъ въ своемъ отечествѣ, а мы странствуемъ. Коль опасно также выдерживать непрестанно діавольскія

пронырства и хитрости! Хитрость и лукавство составляютъ свойство его, а злоба древнѣйшее упражненіе.

ГЛАВА ШЕСТАЯНАДЕСЯТЬ.

Избави мя отъ враговъ моихъ Боже, и отъ ненавидящихъ мя, яко укрѣпишася паче мене. Я, который, даже до сего дни былъ вооруженъ противъ себя, нынѣ за себя сражаться стану съ помощїю благодати Твоея. Жизнь наша такимъ образомъ долженствуетъ быть расположена, дабы мы удостоились наслаждаться вѣчною радостїю на небесахъ, когда наша плоть во гробѣ будетъ пищею червей. Духъ нашъ долженъ безпрестанно туда стремиться, куда итти ему надобно будетъ. Туда по-

поспѣшать намъ надлежитъ, гдѣ обитать будемъ, и гдѣ смерть уже не прикоснется къ намъ. Любя столько здѣшнюю не постоянную и превратную жизнь, гдѣ толикое множество заботъ угнѣтаетъ насъ, гдѣ едва довольствуемъ тѣло свое сномъ, питїемъ и пищею; то не паче ли должны мы любить безконечную жизнь, гдѣ всѣ труды отъ насъ удалены будутъ, гдѣ царствуетъ высочайшая прїятность, совершенное благополучїе, свобода, и самое блаженство; гдѣ человѣкъ уподобится Ангеламъ Божїимъ, и праведные возсїяютъ яко солнце во царствїи Отца ихъ. Колико просвѣтятся души, когда самое тѣло солнечную свѣтлость воспрїиметъ? Изгнаны оттуда печали и скуки, нѣтъ никакихъ прискорбїй, никакихъ болѣзней, ни страху; не будетъ

тамъ

тамъ труда, ни смерти, безпрерывное здравіе тамо процвѣтаетъ.

Тамъ не смущаетъ злоба, нѣтъ плотскихъ браней, нѣтъ никакой нужды, ни глада, ни жажды, ни мразу, ни солнечнаго зною; нѣтъ ни поста, ни вражескихъ искушеній, склонности ко грѣху туда не внидутъ, и способность къ паденію оттуда изженется. Тамъ царствуетъ безпрерывная радость и веселіе; смертные соединившись съ Ангелами, не восчувствуютъ ни единой плотской слабости; безконечная пріятность, вѣчное блаженство безпрерывно будутъ услаждать того, кто единожды оныя воспріять удостоится. Се мѣсто! въ которомъ воспріемлется покой отъ трудовъ, и миръ отъ враговъ. Ахъ! кто не

не возжелаетъ обитать въ толь блаженномъ жилищѣ? Не будетъ тамъ никого страннаго; всѣ, кои туда прїидутъ, будутъ находиться въ собственномъ отечествѣ, въ безопасности и въ сладчайшемъ удовольствїи взирать на Бога. Чѣмъ больше кто изъ смертныхъ въ жизни сей повинуется Господу, тѣмъ вящшее получитъ тамъ награжденїе; и чѣмъ жарчѣе пылаетъ любовїю къ своему Содѣтелю, тѣмъ ближе взирать на него будетъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯНАДЕСЯТЬ.

О краткости жизни человѣческой.

Дни человѣческїе подобны тѣни на земли. Они скоротеч-

течны, и въ самое то время, когда стоятъ, суть ничто. Такъ почто ты, смертный! сокровиществуешь здѣсь? Когда съ не понятною скоростїю проходитъ все собираемое, и собирающїй. Какого плода ожидаешь отъ мїра сего, коего плодъ погибель, а наконецъ смерть? О когда бы упражнялся во единомъ мудрствованїи, и взиралъ на послѣдняя! Я знаю одного, который весьма давно другъ тебѣ, за столомъ твоимъ питается, отъ твоей руки прїемлетъ пищу, на лонѣ твоемъ почиваетъ, и когда ты хочешь, съ тобою разговариваетъ. Но какъ ты воспитывалъ его отъ самаго младенчества нѣжно, и щадилъ жезла твоего; то учинился онъ чрезъ то упрямъ и не покоренъ, на главу твою вознесъ пяту свою, подвергъ тебя власти своей, и тирански надъ

тобою

тобою господствуетъ. Ты можетъ быть спросишь, кто онъ таковъ. Онъ есть древнїй человѣкъ твой. Имъ подавляется и попирается духъ твой; онъ за ничто почитаетъ желанную землю нашу; небо мыслитъ о томъ только, что плоти угодно; онъ отъ рожденїя своего слѣпъ, глухъ и нѣмъ; весьма ветхъ злыми своими деньми, противникъ добродѣтели и истиннѣ, врагъ креста Христова. Невинность и простота возбуждаютъ въ немъ смѣхъ, ходитъ въ высокихъ и дивныхъ, гордость его превосходитъ его крѣпость, никого не боится онъ, говоритъ съ безумїемъ: нѣсть Богъ. Вооружается противъ добра, и чужими злыми питаетъ себя, такъ какъ и студными помышленїями, въ коихъ упражняясь вѣчно, никогда не устаетъ. Соб-

 ствен-

ственное имѣнїе расточаетъ какъ блудный; желаетъ, жаждетъ и похищаетъ чужое, какъ сребролюбивый; беззаконїе призываетъ на главу свою и собираетъ гнѣвъ Божїй.

Человѣкъ сей рожденъ въ беззаконїяхъ, и въ нихъ воспитанъ. Онъ другъ порокамъ, сынъ смерти, сосудъ гнѣва, вмѣстилище пагубы. Будучи таковымъ, повѣдаетъ онъ правоты Божїя, и прїемлетъ свидѣтельство усты своими, ненавидитъ ученїя, и господина своего оставляетъ позади себя. Когда видитъ татя, течетъ съ нимъ, и съ прелюбодѣемъ участїе свое полагаетъ, предъ сыномъ матери своей полагаетъ соблазнъ, и собираетъ на главу свою гнѣвъ въ день гнѣва. Все желанїе его тѣмъ ограничено, чтобъ похитить у тебя наслѣдїе твое, и у-

унести на землю. Но ты не предпріемлешь отмщенія за толикую обиду, не противополагаешь себя ему, и не смѣешь, произнесть съ жестокостію ни слова. Ты смѣешься съ ласкателемъ своимъ, играешь съ насмѣшникомъ; но ты не знаешь, что измаилъ сей не отроческимъ образомъ играетъ съ тобою, игра его не простосердечна и не непорочна; она есть поношеніе душѣ твоей, есть гоненіе и смерть. Уже онъ въ ровъ, который содѣлалъ для тебя, низвергаетъ ее; ты уже разслабленъ, попранъ ногами подъ игомъ подлѣйшаго рабства. Да воскреснетъ Богъ, и падетъ муринъ сей; да погибнетъ врагъ человѣкъ, презритель Бога, почитатель себя, любитель міра, рабъ діавола. Что тебѣ мнится смертный? Естьли ты право мыслишь, то согласишься со

мною, что онъ повиненъ есть смерти, да распнется. И такъ отжени притворство, не откладывай и не щади. Поспѣшай со смѣлостію и тщаніемъ, распни человѣка сего. Но распни его крестомъ Христовымъ, въ которомъ спасеніе наше и животъ, къ которому естьли возопіешь ты изъ глубины сердечныя, то распятый на немъ услышавъ гласъ твой, возглаголетъ къ тебѣ: днесь со мною будеши въ раю.

Какая любовь! Какое нечаянное спасеніе для грѣшника! Толико предварительна и всегда готова любовь Божія, толь удивительна благость, толь непобѣдимо благоутробіе, что естьли только кто къ нему возопіетъ, мгновенно внемлетъ глаголы его! Какое милосердіе! Сколь неизглаголанна измѣна де-

десницы Вышняго! Вчера тьма окружала тебя, нынѣ ты сіяешь. Вчера находился въ челюстяхъ врага, нынѣ въ лонѣ Искупителя твоего. Вчера былъ при вратахъ адовыхъ, нынѣ ликуешь посредѣ райскихъ сладостей. Но какая польза увѣщаній сихъ, естьли ты не изгладишь въ книгѣ совѣсти твоей грѣховныхъ начертаній? Какое пріобрѣтеніе отъ чтенія и разумѣнія, естьли не станешь самаго себя читать и познавать? Для сего приложи стараніе ко внутреннему чтенію, чти, разсматривай и познавай себя самаго, да возможешь распалить сердце твое любовію къ Богу, сразиться и побѣдить миръ и всѣхъ враговъ своихъ. Трудъ обращается въ покой, сраженіе въ радость, послѣ мрачной жизни сея узришь востающую свѣтозарную десницу; узришь по-

полуденное солнце правды, въ которомъ увидишь жениха съ невѣстою Господа славы, который живетъ и царствуетъ во вѣки, аминь.

РАЗСУЖДЕНІЕ

О заблужденіи ролщущихъ на благость Божію.

Коль сожалительно, что мы тотъ свѣтъ, которымъ Творецъ снабдилъ человѣка для различенія блага отъ зла; то орудіе, коимъ зиждется и совершается зданіе нашего блажества; тотъ высочайшій даръ, которымъ Создатель вселенныя возвысилъ насъ какъ любезнѣйшее свое твореніе предъ другими тварьми: Коль сожалительно, что мы сіе свойство ду-

души нашей, сїе первое и главное дарованїе свое, вмѣсто того, чтобъ обращать къ единому познанїю Содѣтеля тварей, сколько Онъ открылъ себя намъ въ писанїяхъ и природѣ, къ изслѣдованїю добродѣтели, и къ возженїю въ сердцахъ ревности, послѣдовать оной, употребляемъ къ погубленїю себя, и другихъ съ нами, поколебавъ тѣ священныя истинны, коихъ паденїе разрушаетъ спокойство человѣческое, надежду и благосостоянїе! Конечно разрушаетъ: ибо можетъ ли человѣкъ вкушать спокойствїе, когда увѣрятъ его, что все на свѣтѣ худо, и онъ помѣщенъ здѣсь для того, чтобъ непрестанно терпѣлъ, былъ окруженъ нещастїями, сносилъ напасти, и утѣшалъ себя однимъ стономъ и слезами? Возгорится ли надежда въ сердцѣ его, когда ему

скажутъ: сноси до конца нещастный! Бѣдствія твои окончатся съ твоею жизнію, и до тѣхъ поръ ты отданъ ихъ жестокости на жертву? Какое блаженство можетъ сыскать на земли и въ небесахъ мысль омраченная симъ смертоносным ученіемъ, что естьли бы Богъ существовалъ, то бы Онъ былъ благъ и всемогущъ; по своему могуществу Онъ отдалилъ бы отъ тебя напасти, и не допустилъ вѣчно стенать подъ бременемъ нещастій по своей благости; и такъ не ожидай конца нещастіямъ, ты рожденъ терпѣть и умирать?

Что можетъ быть бѣдственнѣе для человѣческаго рода, какъ истребленіе такой мысли, которая при случающихся смутныхъ приключеніяхъ возбуждаетъ сладчайшую на-

надежду, получить достойную награду за понесенныя напасти; и которая оградивъ человѣка симъ твердымъ щитомъ противъ отчаянія, раждаетъ въ душѣ его не преоборимое великодушіе съ непобѣдимою твердостію и величественною усмѣшкою взирать на всѣ ополченія завиствующаго рока, или человѣческой лютости, щастіе почитать меньше истинны, а жизнь меньше общественной пользы, въ пути добродѣтели быть не поколебиму, и непрестанно воскрыляться къ Существу вышнему, которое его хранитъ, и къ себѣ призываетъ? Лишенный сихъ нужныхъ и сладкихъ впечатлѣній, и съ ними всего, что подаетъ утѣшеніе стражду щимъ въ нападеніяхъ, когда гоненія судьбы на него обратятся, или хотя малыя почувствуетъ оскорбленія, не

вѣдая, для чего онъ ихъ терпитъ, и что ему будетъ за оное; омраченный единою неизвѣстностїю, или, что всего злѣе, убѣжденный признавать, что онъ вѣчно злополученъ, устремится на все, что только кажется ему подающимъ малую отраду. Тогда разрушатся въ его воображенїи всѣ правила честности, истребятся законы, упадутъ преграды поставляемыя добродѣтелїю противъ пороковъ; или, естьли на все отважившись, и все испытавши, найдетъ, что силы его не достаточны къ облегченїю его мученїй, тогда не видя ниоткуда луча отрады, забудетъ, или возненавидитъ себя, презритъ всѣ ужасы смерти, потечетъ къ отчаянїю, учинитъ самъ себя жертвою погибели.

Варвары, вливающїе таковый ядъ въ сердца человѣковъ! Вы, разливающїе погибель въ родѣ человѣческомъ, распространяя въ немъ гибельныя ваши мнѣнїя! Чувствуете ли вы удовольствїе, когда наполняете горестїю сердца вашихъ согражданъ? Слезы ихъ приносятъ ли вамъ услажденїе? Ихъ отчаянїе и гибель наполняетъ ли радостїю мрачныя ваши души? О безчеловѣчные писатели! Взирайте на сихъ нещастныхъ, коихъ заблужденїе принесло вамъ на жертву. Се они страждутъ; упивайтесь сладостїю, видѣть ихъ мученїя, когда они страждутъ, и лишась всѣхъ удовольствїй, къ вамъ вѣщаютъ: *Вы, вы отняли конецъ нашимъ бѣдствїямъ; вы возмутили источникъ блаженства нашего.*

Колико добродѣтельныхъ, презирая всѣ опасности, шествовали по пути честности для того только, поелику увѣрены были, что Творецъ природы всевидящимъ окомъ своимъ взираетъ на благія дѣла ихъ! Колико нещастныхъ, коихъ мужественно сносить бѣдствія возбуждало одно восхитительное то мнѣніе, что Вышній зритъ на нихъ, исчисляетъ капли слезъ исторженныхъ изъ очей нещастіемъ, и готовитъ воздаяніе въ безсмертной жизни! Вы испровергли въ нихъ сіи начала, на которыхъ не основана была честность ихъ и добродѣтель, и расторгнувъ узы, соединяющія ихъ съ Богомъ, похитили у общества благоустроенныхъ гражданъ, у родителей кроткихъ и покорныхъ чадъ, у женъ нѣжныхъ ихъ супруговъ. Колико потребно тиранства и лю-

лютости къ тому, чтобъ обращать славу свою къ пагубѣ людей, и съ толикимъ потеряніемъ покоя снисканное просвѣщеніе разума помрачитъ пагубными произведеніями онаго, остроту его и силу истощать на сплѣтеніе вредныхъ увѣреній, и всѣ труды посвящать снисканію легчайшихъ способовъ, влить ядъ смертоносный въ такія души, коимъ можетъ быть надлежало во вѣки быть щастливыми! О благотворное Существо! Доколѣ терпитъ благость твоя толикому злодѣянію? Предвидя такое ожесточеніе противъ блага насажденнаго тобою во вселенной; почто не сотворилъ Ты Боже ихъ скотами; или, почто не обратитъ ихъ въ ничтожество Твое всемогущество? Повели природѣ, Благодѣтель міра, лишишь ихъ даровъ

своихъ, коими жизнь продолжается человѣческая, да прежде времени низверженны во адъ оплакиваютъ тамъ жестокость и злобу свою. Но судьбы Твои Господи, неизслѣдимы, и Твои намѣренія глубина для насъ не проницаемая!

„ Нѣтъ ничего хуже, какъ міръ сей, вѣщаютъ сіи заблуждающіе умы. Зло превосходитъ „ въ немъ благо, и нещастія „ человѣческій родъ толико у„ гнѣтаютъ, что, кажется, онъ „ сотворенъ для того, чтобъ быть только игралищемъ лютой судьбины. Неистовыя слѣдствія, кои они изъ сего положенія выводятъ, столь богопротивны и ужасны, что я не могу ихъ произнесть безъ нарушенія внутренняго спокойствія.

Но

Но коль слабы основанія, на которыхъ они утверждаютъ свою систему? Они въ мірѣ семъ не видятъ ничего кромѣ зла; ибо злоба, горящая въ очахъ ихъ, не допущаетъ ихъ взирать ни на что, какъ только, что являетъ въ себѣ мнимое неустройство. Благо разліянное повсюду во вселенной отъ нихъ закрыто; оно извѣстно однимъ только тѣмъ, которые послѣдуютъ добродѣтели: а сіи испорченные души, привыкнувъ ко мрачности пороковъ, сіянія его сносить не могутъ.

Предавъ сердце свое на расхищеніе страстямъ, они мучатся, когда сіи терзаютъ ихъ внутренность. Не находя нигдѣ спокойствія, ибо они не ищутъ его нигдѣ, кромѣ порока, могутъ ли они быть довольны сею жизнію? Нещастія, ко-

коими они обременяются, увѣрили ихъ, что свѣтъ наполненъ одними бѣдствіями; ибо они благополучія не познали, не чувствовавъ никогда его въ опытахъ. Симъ неистовымъ мнѣніемъ они лишаютъ себя и послѣдней надежды, то есть, видѣть когда нибудь конецъ своимъ бѣдствіямъ. Бывъ погруженны такимъ образомъ въ безднѣ лютыхъ мученій, и не видя ниоткуду утѣхи, они находятъ отраду въ томъ только, чтобъ привлекать другихъ въ ту же пропасть, и содѣлать сколько можно болѣе людей участниками своихъ злополучій. Вотъ источникъ заблужденія ихъ, и начало ученія разсѣваемаго ими!

Но тщетно ихъ утѣшеніе, видѣть множество слабыхъ душъ, падающихъ въ ту пропасть,

пасть, которая учинилась ихъ жилищемъ; ибо тщетно витійство ихъ, старающееся преклонить многіе умы ко вреднымъ своимъ мнѣніямъ. Весьма ясно можно показать, что зло не столь велико въ свѣтѣ, чтобъ истребило наше вниманіе ко благу, которое его превосходитъ. Ибо оно естьли когда смущаетъ наше спокойствіе въ жизни, то, или служитъ къ отвращенію большаго зла, и по тому не есть уже зло, но паче благодѣяніе, или происходитъ отъ насъ самихъ, и для того не должно роптать противъ Содѣтеля природы.

Что касается до нравственнаго зла, онсе начало свое имѣетъ въ совершенно свободномъ состояніи человѣка. Но естьли сіе зло, вопіютъ богопротивные писатели, не обходимо сопряже-

но съ вольностїю, то для чего Творецъ не отвратилъ сего свойства отъ человѣка, которое толико для него пагубно? Какое безумное и неистовое желанїе!

Обладатель природы, когда воззвалъ изъ небытїя вселенную, премудрость его располагая всѣмъ творенїямъ различныя состоянїя, одарила ихъ свойствами по приличїю и способности каждаго. Можетъ ли кто нибудь изъ смертныхъ лучше видѣть, нежели Зиждитель, что приличнѣе и свойственнѣе каждому существу? И естьли таковые находятся, то для чего они не возвѣстили въ то время строителю естества, что то, или другое можетъ быть лучше устроено? Какая развратность! Какое ослѣпленїе и заблужденїе!

Человѣкъ, какъ совершеннѣйшее творенїе Божїе, изшелъ изъ рукъ

рукъ Содѣтеля своего, снабдѣнный всѣми тѣми совершенствами, которыя нужны къ доставленію наисовершеннѣйшаго ему блага, и которыми обладаетъ самъ Вышній. Безсмертіе души, разумъ, воля, благость, правосудіе, и другія свойства, коими украшается Существо его, и кои совмѣстны были естеству человѣческому, изліянны на него отъ Содѣтеля. Такъ почтожъ лишать человѣка единаго изъ сихъ даровъ, полученныхъ имъ къ умноженію его благоденствія и къ возвышенію величества во вселенной? Развѣ не довольныя средства далъ намъ Творецъ къ воздержанію себя отъ порока? Разумъ и совѣсть, сіи два свѣтила, разгоняющія мрачность вредныхъ склонностей въ душахъ нашихъ, освѣщаютъ предъ глазами нашими каждое преступленіе, и возвѣщаютъ

намъ чувствительнымъ образомъ гнусность онаго. Призови ихъ въ помощь тогда, какъ ты на что нибудь отваживаешься, или когда склонность влечетъ тебя къ какой нибудь пріятности; внемли ихъ впечатлѣніямъ, и послѣдуй совѣтамъ, такимъ образомъ сохранишь себя отъ преткновенія при всей твоей вольности.

Но отъемля у человѣка свободу, въ коль злѣйшее состояніе мы его ввергаемъ! Представимъ, что онъ уже лишенъ ее, что не можетъ поползнуться ни къ единому преступленію; что нѣкоторая внѣшняя сила движитъ его склонности къ добру, и сильно отвлекаетъ отъ злыхъ намѣреній, словомъ: вообразимъ, что таковый человѣкъ ни мало не воленъ, и ничего не можетъ дѣлать, какъ только, къ чему сила въ немъ дѣйствующая привле-

влечетъ его. Вѣщайте мнѣ теперь, различится ли таковый смертный хотя мало съ часами. Мы имѣемъ предъ собою двѣ машины, одну безчувственную, а другую одаренную понятїемъ. Что въ первой дѣйствуетъ пружина, то въ другой сила отвлекающая ее отъ порока. Ибо какъ та причиною есть, что часы не танцуютъ, такъ какъ куклы, но показываютъ время; такъ сїя имѣетъ въ себѣ причину, для чего человѣкъ не можетъ устремиться ко грѣху, но единымъ только содѣланїемъ блага занимается.

Мы когда видимъ хорошїе часы, и когда хвалимъ крѣпость и точность въ раздѣленїи времени, то сїя похвала не къ художнику ли относится, которымъ оныя столь хорошо сдѣланы? Безъ сомнѣнїя! Ибо причина пре-

преимущества ихъ предъ другими часами, которые не столь прочны и вѣрны, находится не въ часахъ, но въ ихъ художникѣ. Но я съ симъ наисовершеннѣйшее сходство нахожу въ человѣкѣ лишенномъ свободы. Стремленіе его къ добру, и не прикосновеніе къ порокамъ, зависитъ отъ силы въ немъ дѣйствующей. Онъ въ разсужденіи благихъ своихъ дѣлъ есть существо не дѣйствующее и не трудящееся, и слѣдовательно никакой похвалы не заслуживающее. Награда и вѣнецъ, должныя его добродѣтели относятся къ Существу вышнему, къ тому Существу, которымъ связаны его склонности, которымъ дано ему принужденное стремленіе ко благу, и отвращеніе непреоборимое отъ зла, которое имѣетъ въ себѣ причину благихъ дѣлъ его.

Вотъ человѣкъ лишенный свободы и уклоняющїйся всегда отъ зла! Онъ удаленъ отъ пороковъ, и упражненъ единымъ благотворенїемъ: но какую пользу приноситъ ему добродѣтель, когда онъ не достоинъ наслаждаться наградою за оную? Естьли Творецъ правосуденъ, то Онъ конечно не тщетно истощеваетъ свои благодѣянїя на твари, и не достойныя зрѣть на Него, не узрятъ Его во вѣки. Вотъ состоянїе по смерти человѣка, у котораго отъята воля. Великїй Боже! Сохрани въ насъ навсегда сїю свободу, которую благость Твоя при созданїи человѣка въ природу его влїяла; или, естьли угодно Твоему могуществу, отъемли оную у тѣхъ, которые противъ ее востали. Но они уже не имѣютъ ее: порокъ обладаетъ ими, и страсти ихъ покорили подъ власть свою совершенно.

Пре-

Пребыванїе въ одномъ состоянїи, сколько бы оно ни было благополучно, имѣетъ нѣкоторую непрїятность. Чувства, занимаясь долгое время однимъ, наконецъ ощущаютъ скуку; мы любимъ премѣну, и врожденную склонность имѣемъ къ новости. Премѣна страстей человѣческихъ, естьли они тихи и благоустроены, содержащее сердце въ прїятномъ движенїи составляетъ великую часть блаженства нашего на земли. Давно уже сїе примѣтили великїе умы, вникающїе въ самихъ себя, и предали въ писанїяхъ своихъ намъ занимающимся больше внѣшностїю. Когда человѣкъ долго томится печалїю, и ничто другое не можетъ отвлечь его чуствованїй отъ сего ощущенїя, какое мучительное для него состоянїе! Равнымъ образомъ радость,

долгое время упоявающая своею сладостїю, наконецъ становится не сносна, и притупленныя ею чувства, какъ бы наскучивъ прїятностїю, и отъ нее отвращаясь, ослабѣваютъ и усыпляются. Но какою сладостїю наполняютъ они сердце человѣческое, когда постепенно одна за другою слѣдуютъ увеселять его! Услаждающїйся *надеждою* въ достиженїи блаженной жизни, когда возвышается мыслїю къ тому Существу, которое обѣщаетъ ему сїе блаженство, плавая въ сладостномъ воображенїи Его благости, могущества и другихъ божественныхъ свойствъ, не чувствительно преходитъ отъ надежды къ *удовольствїю*. Коль прїятно оно сердцу его тѣмъ паче, что учинивъ премѣну, вступило на мѣсто прежняго чувствованїя! Потомъ начертавая въ душѣ своей вели-

чїе того блаженства, которое его ожидаетъ, взирая мыслїю на самаго Зиждителя небесъ, коего онъ изобразилъ уже предъ собою, начертавъ въ воображенїи Его совершенства, и восхищаясь симъ сладчайшимъ представленїемъ, чувствуетъ неизреченную *радость*. Какое удовольствїе, какая прїятность сопровождаетъ таковую премѣну! Наконецъ низходя отъ высокихъ предметовъ къ земной тверди, и объемля мыслїю своею заблужденїе людей теряющихъ небесное свое отечество, мѣсто и состоянїе, исполненное не ограниченнаго щастїя, взирая на вражды, несогласїя, убїйства, и другїя поносныя страсти творящїяся между нами, исторгающїя ихъ изъ объятїй Отца Небеснаго, которому они вѣчнымъ предопредѣленїемъ принадлежали, и ввергающїя въ бездну без-

безконечныхъ злоключенiй; взирая на сiе нещастiе рода человѣческаго, ощущаетъ въ душѣ своей *печальныя чувствованiя*. И сiя печаль услаждаетъ его сердце, прохлаждая кипящую отъ радости кровь, и удерживая быстрое ея теченiе. Вотъ плодъ страстей, естьли они тихи и благочестивы, похищающихъ сердце наше отъ одного чувствованiя къ другому! Коль ощутительна благость Божiя, и желанiе блага человѣкамъ въ сей прiятной перемѣнѣ страстей, естьли оную не повреждаютъ злыя склонности сыновъ человѣческихъ!

Но страсти насъ сильно безпокоятъ, ввергаютъ часто въ жесточайшiя нещастiя, и отвлекши отъ блага на земли, лишаютъ и небеснаго блаженства. Все сiе не имѣетъ ни малаго сомнѣ-

мнѣнія. Но сіи самыя страсти толико пагубныя для человѣка, естьли они благоустроенны и хорошо управляемы бываютъ, содѣлываются орудіемъ благосостоянія нашего. Воззрите на *самолюбіе*, оно есть источникъ и пружина всѣхъ дѣяній человѣческихъ, и самыхъ отважнѣйшихъ предпріятій. Коль вредныя слѣдствія имѣетъ она, когда приводитъ человѣка къ сластолюбію, гордости, хищенію, и другимъ страшнымъ порокамъ. Но когда любовь самаго себя есть кротка и умѣренна; когда она не приводитъ ни къ чему предосудительному, и удовлетворяется единымъ просвѣщеніемъ разума и исправленіемъ воли, въ то время коль нужная она есть страсть для блаженства человѣческаго! *Желаніе богатства*, толико неустройствъ причиняющее въ свѣтѣ,

тѣ, возраждающее несогласія, убійства, вражды, коль достойно похвалы, естьли ограждается умѣренностію, и основано на желаніи, услаждать горесть нещастныхъ людей, снабдѣвать бѣдныхъ и истаявающихъ часто гладомъ и жаждою. Ненавистная страсть, *славолюбіе*, питающееся закланіемъ невинности, и сооружающее торжество свое на похвалахъ злодѣянія, коль почтенно, коль любезно небесамъ, когда основано на единой добродѣтели, когда возвышается единымъ споспѣшествованіемъ общему благу и торжествуетъ благотворя ближнимъ. Самая *гордость*, порокъ презрительнѣйшій изъ всѣхъ заблужденій человѣческихъ, и более всѣхъ достойны посмѣянія, становится благосклонною гордостію, когда почитаетъ ниже себя, снизходитъ къ порокамъ,

и не касаясь людей, не забывая должнаго къ нимъ уваженія, презирать единыя нечестія ихъ.

Правда, противоборствовать страстямъ, и противиться сильному впечатлѣнію пріятностей привлекающихъ къ порокамъ, есть трудность почти не ограниченная. Но чѣмъ труднѣе сраженіе, тѣмъ славнѣе побѣда, тѣмъ блистательнѣе торжество и лавры составляющіе вѣнецъ побѣдителя. Дабы не оставить и не упустить ничего, что возвышаетъ наше достоинство Зиждитель міра, устроившій путь жизни нашея съ безконечною благостію и премудростію, допустилъ на немъ содѣлаться нѣкоторымъ стремнинамъ, кои кажутся преградами остановляющими иногда теченіе нашего блаженства. Но не ощущаемъ

ли

ли мы въ себѣ силы побѣждать себя? И коль велика сїя побѣда, колико блистательнѣе она всѣхъ торжествъ человѣческихъ? Ахъ! естьлибъ ничто не противоборствовало нашему благосостоянїю, мы бы только щастливы были: какое уничиженїе для высокаго духа! напротивъ того теперь, обрѣтая препятствїя на пути къ добродѣтели, истинному нашему благу, и находя славу, преодолѣвать оныя, мы и щастливы и велики. Вотъ какое благо составляютъ для насъ тѣ мнимыя трудности и неудобства, коими мы смущаемся. Они не что иное суть, какъ случай къ побѣдамъ, кои составляютъ истинное наше величество.

Физическїя бѣдствїя сколько ни огорчительны для насъ, но источникъ оныхъ должно

искать въ насъ самихъ. Пороки; страсти и ненасытныя наши желанія большую часть оныхъ раждаютъ. Г. Руссо опровергая поэму сочиненную о разрушеніи Лиссабона Г. Волтеромъ, говоритъ, что, ежели бы жители сего города не были столько привязаны къ имѣнію ихъ, то вредъ былъ бы гораздо сноснѣе. При первомъ потрясеніи земли они бы выбрались изъ города, и на другой день можно бы ихъ видѣть далеко отъ сего мѣста столь же спокойными и благополучными, какъ бы съ ними ничего худаго не случилось. Чтожъ принудило ихъ остаться тамъ, и подвергнуть себя ударамъ землетрясенія? Ихъ жадность ко имѣнію. Сколько бѣдныхъ погибло при семъ нещастномъ приключеніи, желая спасти одинъ свою одежду, другой

свои

свои книги, третій свои книги!

Въ самомъ дѣлѣ не самъ ли причиною своихъ нещастій купецъ, претерпѣвшій кораблекрушеніе на морѣ, котораго ненасытная жадность къ злату побудила пуститься съ кораблемъ въ не проходимыя мѣста для пріобрѣтенія большаго сокровища, нежели его товарищи плавающіе по извѣстному пути. Звѣри не столько нещастны какъ мы, они меньшимъ подвержены злоключеніямъ. Отъ чего сіе происходитъ? Отъ того, что они не выступали никогда изъ предѣловъ умѣренности природою для нихъ поставляемыхъ. Они довольствуются нужнымъ и большаго не ищутъ. Для сего не боятся ни паденія кровли, ни пожару въ ихъ домахъ. А хотябъ

сїе и случилось, то они не столько претерпятъ вреда, какъ тотъ, который покоится на розовой постели между прелестными красавицами въ углу огромнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ палатъ.

Вотъ источникъ и начало нещастїй, въ которыхъ пресмыкающее по земли умствующее животное часто произноситъ глумленїя на самую благость Божїю. Страсти и неумѣрсиность въ нихъ раждаютъ оныя посредѣ насъ. Роскошь приноситъ болѣзни, сладострастїе пресѣкаетъ жизнь посредѣ юности; не умѣренное желанїе богатства, безумныя предпрїятїя и худыя въ нихъ успѣхи, ненависть и злоба тысячу другихъ ужасныхъ злоключенїй.

Зло претерпѣваемое нами больше или меньше поражаетъ насъ,

насъ, смотря по видамъ, подъ которыми мы объ нихъ разсуждаемъ по пристрастiю нашему къ вещамъ, и по слабости духа, или малодушiю. Часто приключенiя при первомъ на нихъ воззрѣнiи казавшiяся намъ великимъ нещастiемъ большую часть теряютъ своего ужаса, когда мы ближе ихъ разсматриваемъ. Не рѣдко такъ же случается, что одинъ почитаетъ великимъ злоключенiемъ то, что другаго очень мало трогаетъ. Смерть жены, дѣтей и другихъ, которыхъ любили, по большой части поставляется нами въ числѣ величайшихъ бѣдствiй. Но мудрый съ холодностiю взираетъ на сiи слѣдствiя естества; и когда мы утопая въ слезахъ, забываемъ себя, и прогнѣвляемъ Бога; Онъ жалѣетъ о насъ, и желаетъ только, чтобъ отшедшiй изъ сей жизни принятъ

былъ на небесахъ въ число чадъ Божіихъ. Равнымъ образомъ потеряніе именія въ какую жестокую печаль ввергаетъ сребролюбца поставившаго себѣ предметомъ единое злато! Безпрерывныя жалобы, глубокія воздыханія и слезы, единственная для него отрада послѣ толь печальнаго случая. Другіе предаются самому отчаянію, когда идолъ, которому они пожертвовали себя, похищенъ въ жертву другому. Но тотъ, кто богатство свое почитаетъ сокровищемъ, надъ которымъ поставленъ онъ отъ Бога раздаятелемъ, при случаѣ лишающемъ его сего залога жалѣетъ больше, жалѣетъ больше о томъ, который за толь малую цѣну продаетъ не оцѣненное благо небеснаго наслѣдства. Тожъ самое должно сказать о другихъ многихъ неудовольствіяхъ. Стужа

жа и долговременные труды меньше вредны крѣпкаго и здороваго сложенія человѣку, который собственнымъ упражненіемъ снискивать себѣ пищу закономъ своимъ поставляетъ, нежели тому, который разслабилъ составъ своего тѣла; и хотябъ оныя равно вредны были тому и другому, однако трудолюбивый снотнѣйшими почтетъ для себя таковыя непріятности, нежели изнѣженный роскошью и праздностію.

Но сколь часто слабость и тѣсные предѣлы нашего разсудка, не допущая проникнуть далѣе въ союзъ вещей, бываютъ причиною, что мы почитаемъ бѣдствіемъ тѣ самыя приключенія, кои благомъ почитать бы долженствовали. Конечно благомъ, ибо можетъ ли то назваться нещастіемъ, что хотя само

само въ себѣ нѣсколько огорчительно, но низпосылается на насъ для того, чтобъ отвратить величайшія нещастія? Смерть, похитившая изъ объятій отца и матери любезнаго ихъ сына въ самомъ цвѣту его возраста, коль жестокимъ нещастіемъ поражаетъ нѣжныхъ сихъ родителей! Но коль меньше тронуло бы ихъ сіе нещастіе, естьлибъ открылись глаза ихъ, и они увидѣли, что собиралась уже надъ главою сына ихъ грозная туча, которая поразила бы его наимучительнѣйшимъ образомъ, и причинила бы имъ несравненно больше слезъ и терзанія! Бури и вихри, покрывающіе отъ глазъ нашихъ солнце густыми облаками и ревущими тучами, проливающими дождь и мещущими громы долгое время, пріемлются за наказаніе Божіе, какъ наивеличайшее

шее нещастіе изъ всѣхъ золъ на свѣтѣ. Но когда бы мы знали, что сей дождь, сія стужа и громы убили чрезвычайное множество несѣкомыхъ готовыхъ пожрать самую пищу скотовъ, когда не довольны будутъ опустошеніемъ нивъ удобренныхъ трудами и напоенныхъ собственнымъ нашимъ потомъ, съ какою бы благодарностію, съ какимъ благоговѣніемъ приклонили колѣна наши предъ Господемъ мещущимъ громы и молнію на землю! Съ какимъ усердіемъ воспѣли бы Ему пѣснь въ жертву хвалы и благодаренія! — —

Коль ясно, коль ощутительно познается изъ сего безуміе тѣхъ, кои забывъ, сколь слабы силы человѣческаго разума, коль мало оный можетъ проникать въ союзъ вещей, и

сколь

сколь отдаленъ отъ познанія не изслѣдимыхъ судебъ и намѣреній Вышняго, при самыхъ малѣйшихъ бѣдствіяхъ вопіютъ: Зло! и наполняютъ воздухъ симъ не справедливымъ звукомъ. Несмысленные! Признайте благость Содѣтеля вашего, и Его премудрость, и повергните себя предъ Нимъ со смиреніемъ и благодарностію.

КОНЕЦЪ.

Изъ [illegible] библіотеки.

